Библіотека „СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ МЫСЛЬ".
Подъ редакціей И. В. Галкина.

ЖИТІЕ
ПРОТОПОПА АВВАКУМА,

НАПИСАННОЕ ИМЪ САМИМЪ.

ИЗДАНІЕ И. Я. ГАВРИЛОВА.

Цѣна 30 коп.

МОСКВА.
Т-во Типо-Литографіи И. М. Машистова. Большая Садовая, собствен. домъ.
1911.

Библіотека „СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ МЫСЛЬ“.

Подъ редакціей И. В. Галкина.

ЖИТІЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА,

НАПИСАННОЕ ИМЪ САМИМЪ.

Л. Богданович
15 марта 1911 г.

ИЗДАНІЕ И. Я. ГАВРИЛОВА.

МОСКВА.
Т-во Типо-Литографіи И. М. Машистова. Большая Садовая, собствен. домъ.
1911.

„Библіотека СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ МЫСЛЬ".

Подъ редакціей И. В. Галкина.

Епископъ Иннокентій. **„Слова и рѣчи".** (Арестъ съ книги снятъ.) Ц. 60 к.

Его-же. О жалованьѣ митрополита Амвросія. Ц. 15 к.

Епископъ Михаилъ. Апологія старообрядчества. Ц. 40 к.

Его-же. Методика Закона Божія. Ц. 50 к.

Его-же. Прошлое и современныя задачи старообрядчества. Ц. 15 к.

В. Е. Макаровъ. Къ вопросу о причинахъ раздѣленія русской церкви. Ц. 60 к.

Д. С. Варакинъ. Исправленіе книгъ въ XVII столѣтіи. Ц. 30 к.

И. С. Логиновъ. Разсказъ изъ быта старообрядцевъ. Ц. 15 к.

С. В. Воздвиженская. Соловецкій монастырь и старообрядчество.

Письменно обращаться: **Москва, Кожевники, Ивановская, д. 1, кв. 7.**

И. В. ГАЛКИНУ.

Протопопъ Аввакумъ.

Аввакумъ протопопъ понужденъ*) бысть житіе свое написати инокомъ Епифаніемъ (понеже отецъ ему духовный инокъ), да не забвенію предано будетъ дѣло божіе, и сего ради понужденъ бысть отцемъ духовнымъ, на славу Христу Богу нашему. Аминь.

Всесвятая Троице! Боже и Содѣтелю всего міра поспѣши и направи сердце мое начати съ разумомъ и кончити дѣлы благими, яже нынѣ хощу глаголати азъ недостойный; разумѣя же свое невѣжество, припадая, молю Ти ся и еже отъ Тебя помощи прося: управи умъ мой и утверди сердце мое приготовитися на твореніе добрыхъ дѣлъ, да, добрыми дѣлы просвѣщенъ, на судищи десныя Ти страны причастникъ буду со всѣми избранными твоими. И нынѣ, Владыко, благослови, да, воздохнувъ отъ сердца, и языкомъ возглаголю Діонисія Ареопагита о божественныхъименѣхъ, что есть Богу присносущныя имена, истинныя, еже есть близостныя — и что виновныя, сирѣчь похвальныя. Сія суть сущія: *Сый*, *Свѣтъ*, *Истина*, *животъ*, только четыре свойственныхъ; а виновныхъ много, сія суть: *Господь*, *Вседержитель*, *Непостижимъ*, *Неприступенъ*, *Трисіянен*, *Тріѵпостасенъ*, *Царь славы*, *Непостоянен*, *Огнь*, *Духъ*, *Богъ* и проч. По тому разумѣвай того же Діонисія о истинѣ: „себѣ бо отверженіе истины испаденіе есть, истина бо сущее есть". Аще бо истина сущее есть, истины испаденіе сущаго отверженіе есть (отъ сущаго же Богъ испасти не можетъ и еже не быти нѣсть). Мы же речемъ: „Потеряли новолюбцы существо божіе испаденіемъ отъ

*) Орѳографія подлинника.

истиннаго Господа, святаго и животворящаго Духа“, по Діонисію. Коли ужь истины испали, тутъ и сущаго отверглися. Богъ же отъ существа своего испасти не можетъ и еже не быти,—нѣсть того въ немъ: присносущенъ истинный Богъ нашъ. Лучше бы имъ въ сvмволѣ вѣры не глаголати *Господа* винословнаго имени, нежели „*истиннаго*“ отсѣкати, въ немъ же существо божіе содержится. Мы же, правовѣрніи, обоя имена исповѣдуемъ и въ Духа Святаго, Господа истиннаго и животворящаго, свѣта нашего, вѣруемъ съ Отцемъ и Сыномъ поклоняемаго, за него же страждемъ и умираемъ помощію Его владычнею. Тѣшитъ насъ Діонисій Ареопагитъ; въ книгѣ его сице пишетъ: „сей убо есть во истину истинный христіанинъ, зане истиннаго разумѣвъ Христа и тѣмъ благоразумія стяжавъ, изступивъ убо себе, не сый въ мірскомъ ихъ нравѣ и прелести; себя же вѣсть трезвяща и измѣнена всякаго прелестнаго невѣрія, не токмо даже до смерти бѣдствующе истины ради, но и вѣдѣніемъ скончевающеся всегда, разумно же живущіи христіане суть свидѣтельствуемы“. Сей Діонисій наученъ вѣрѣ христовѣ отъ Павла апостола, живый во Аѳинѣхъ, прежде даже не пріити въ вѣру христову, хитрость имый исчитати бѣги небесныя; егда же вѣрова Христови, вся сія вмѣнихъ быти, яко уметы. Къ Тимофею пишетъ въ книгѣ своей, сице глаголя: „дитя! али не разумѣешь, яко вся сія внѣшняя блядь ничтоже суть, но токмо прелесть и тьма и пагуба? Азъ проидохъ дѣломъ и ничто же обрѣтохъ, но токмо тщету“. Чтый да разумѣетъ: исчитати бѣги небесныя любятъ погибающіи, понеже любве истинныя не пріяша, во еже спастися имъ; и сего ради послетъ имъ Богъ дѣйство льсти, во еже вѣровати имъ лжи, да судъ пріимутъ невѣровавшіи истинѣ, но благоволившіи о неправдѣ. Чти Апостолъ, зачало 275. Сей Діонисій еще не пріидохъ въ вѣру христову съ ученикомъ своимъ; во время распятія господня, бывъ въ Солнечномъ градѣ и видѣвъ: солнце во тьму преложися и луна въ кровь, звѣзды въ полудне на небеси явилися чернымъ видомъ. Онъ же ко ученику глагола: „или кончина вѣку пріидите, или Богъ Слово плотію страждетъ“;

понеже не по обычаю тварь видѣ измѣненну и сего ради бысть въ недоумѣнiи. Той же Дiонисiй пишетъ о солнечномъ знаменiи, когда затмится: „есть на небеси пять звѣздъ заблудныхъ, еже именуются луны. Сiи луны Богъ положилъ не въ предѣлѣхъ, яко же и прочiи звѣзды, но обтекаютъ по всему небу, знаменiя творя, или во гнѣвъ, или въ милость, по обычаю текуще. Егда заблудная звѣзда, еже есть луна, подтечетъ подъ солнце отъ запада и закроетъ свѣтъ солнечный, то солнечное затменiе за гнѣвъ божiй къ людямъ бываетъ; егда же бываетъ— отъ востока луна подтекаетъ, то по обычаю шествiе творяще закрываетъ солнце“. А въ нашей Россiи бысть знаменiе: солнце затмилось во 162-мъ г. предъ моромъ за мѣсяцъ или меньше. Плывъ Волгою рѣкою архiепископъ Сvмеонъ сибирскiй и въ полудне тьма бысть предъ Петровымъ днемъ недѣли за двѣ: часа съ три, плачучи, у берега стояли; солнце померче, отъ запада луна подтекала; по Дiонисiю, являше Богъ гнѣвъ свой къ людямъ. Въ то время Никонъ отступникъ вѣру казилъ и законы церковные, и сего ради Богъ излiялъ фiалъ гнѣва ярости своей на русскую землю. Зѣло моръ великъ былъ; нѣколи еще забыть, вси помнимъ. Потомъ, минувъ годовъ съ 14-ть, въ другой рядъ затменiе солнцу было. Въ Петровъ постъ въ пятокъ въ часъ 6-й тьма бысть, солнце померче, луна подтекала отъ запада, гнѣвъ Божiй являя: и протопопа Аввакума, бѣднаго горемыку, въ то время съ прочими остригли въ соборной церкви власти и на утрени *) въ темницу, проклинавъ, бросили. Вѣрный разумѣваетъ, что дѣлается въ землѣ нашей за нестроенiе церковное. Говорить о томъ полно: въ день вѣка познано будетъ всѣми; потерпимъ до тѣхъ мѣстъ.

Той же Дiонисiй пишетъ о знаменiи солнца, како бысть при Iусѣ Навинѣ во Израили. „Егда Iусъ сѣкiй иноплеменники, и бысть солнце противу Гаваона, еже есть на полдень. Ста Iусъ крестообразно, сирѣчь распрострѣ руцѣ свои; и ста солнечное теченiе, дондеже враги погуби; возвратилося солнце къ востоку, сирѣчь

---

*) По другому списку: *на Угрѣшу*.

на западъ отбѣжало и паки потече; и бысть во дни томъ и въ нощи 34 часа, понеже въ 10 часъ отбѣжало, такъ въ суткахъ 10 часовъ прибыло. И при Езекіи царѣ бысть знаменіе: оттече солнце вспять во второй надесять часъ дня и бысть во дни и въ нощи 36 часовъ". Чти книгу Діонисіеву, тамъ пространно уразумѣешь.

Онъ же Діонисій пишетъ о небесныхъ силахъ, росписуетъ, возвѣщая, како хвалу приносятъ Богу, раздѣляяся 9-ть чиновъ на три Троицы.—Престоли, Херувими и Серафими освященіе отъ Бога пріемлютъ и сице восклицаютъ: „Благословенна слава отъ мѣста господня!" и чрезъ сихъ преходитъ освященіе на 2-ю Троицу, еже есть Господства, Начала, Власти. Сія Троица, славословя Бога, восклицаетъ: аллилуія, аллилуія, аллилуія!" по алѳавиту: *аль* Отцу, *аль* Сыну, *аль* Духу Святому. Григорій Нисскій толкуетъ: аллилуія—хвала Богу; а Василій Великій пишетъ: „аллилуія—ангельская рѣчь, человѣчески рещи: Слава Тебѣ, Боже!" До Василія пояху въ церкви ангельскія рѣчи: аллилуія, аллилуія, аллилуія! Егда же бысть Василій, и повелѣ пѣти двѣ ангельскія рѣчи, а третью человѣческую сице: аллилуія, аллилуія, слава тебѣ, Боже! У святыхъ согласно, у Діонисія и у Василія трижды воспѣвающе, со ангелы славимъ Бога, а не четырежды по римской бляди. Мерзко Богу четверичное воспѣваніе сицевое, аллилуія, аллилуія, аллилуія, слава Тебѣ, Боже! Да будетъ проклятъ сице поюще. Паки на первое возвратимся. Третья Троица: Силы, Архангелы, Ангелы, чрезъ среднюю Троицу освященіе пріемли, поютъ: Святъ, святъ, святъ, Господь Саваоѳъ, исполнь небо и земля славы Его! Три тричисленно и сіе воспѣваніе. Пространно Пречистая Богородица протолковала о аллилуіи: явилася ученику Евфросина псковскаго, именемъ Василію. Велика во аллилуіи хвала Богу, а отъ зломудрствующихъ досада велика.—По Римски святую Троицу въ четверицу глаголютъ, Духу и отъ Сына исхожденіе являютъ, еже и проклято се мудрованіе Богомъ и святыми; правовѣрныхъ избави Боже сего начинанія злаго о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, Ему же слава, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Аѳанасій Великій рѣче: „иже аще кто хощетъ спастися, прежде всѣхъ подобаетъ ему держати каѳолическая вѣра, еяже, аще кто цѣлы и непорочны не соблюдетъ, кромѣ всякаго недоумѣнія, во вѣки погибнетъ. Вѣра же каѳолическая сія есть; да будетъ, Бога въ Троицѣ и Троицу въ единицѣ почитаемъ, ниже сливающе составы, ниже раздѣляюще существо. Инъ бо есть составъ Отечь, инъ Сыновенъ, инъ Святаго Духа; но Отчее и Сыновнее и Святаго Духа едино божество, равна сила, соприсносущно величество: яковъ Отецъ таковъ Сынъ, таковъ и Духъ Святый; вѣченъ Отецъ, вѣченъ Сынъ, вѣченъ и Духъ Святый; несозданъ Отецъ, несозданъ Сынъ, несозданъ и Духъ Святый. Не три Бози, но единъ Богъ; не три созданіи, но единъ несозданный, единъ вѣчный. Подобное: вседержитель Отецъ, вседержитель Сынъ, вседержитель и Духъ Святый; равно непостижимъ Отецъ, непостижимъ Сынъ, непостижимъ и Духъ Святый; обаче не три вседержители, но единъ Вседержитель; не три непостижиміи, но единъ непостижимый, единъ присносущный. И въ сей святой Троицѣ ничтоже первое или послѣднее; ничтоже болѣе или менѣе, но цѣлы три составы и соприсносущны суть себѣ и равны. Особно бо есть Отцу нерожденіе, Сыну же рожденіе, а Духу Святому исхожденіе; обще же есть божество и царство. (Нужно бо есть побесѣдовати о вочеловѣченіи Бога Слова къ вашему спасенію). За благость щедротъ излія себе отъ отеческихъ нѣдръ Сынъ,—Слово божіе, въ дѣву чисту Богоотроковицу, егда время наставало и, воплотився отъ Духа свята и Маріи дѣвы вочеловѣчлься, насъ ради пострадалъ, воскресе въ третій день, и на небо вознесеся, и сѣде одесную величества на высокихъ, и хощетъ паки пріити судити и воздати комуждо по дѣломъ его, Его же царствію нѣсть конца. И сіе смотрѣніе въ Бозѣ бысть прежде, даже не создатися Адаму; прежде даже не вообразитися (совѣтъ Отечь), рече Отецъ Сынови: „Сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію". И отвѣща другій: „Сотворимъ, Отче!" И приступи убо и паки рече: О единородный Мой! о святе Мой! о Сыне и Слове! о сіяніе славы моея! аще про-

мышляеши созданіемъ своимъ, подобаетъ Ти облещися въ тлимаго человѣка, подобаетъ Ти по землѣ ходити, плоть воспріяти, пострадати и вся совершити". И отвѣща другій: „Буди, Отче воля Твоя". И по семъ создася „Адамъ". Аще хощеши пространно разумѣти, чти Маргаритъ, слово о вочеловѣченіи, тамъ обрящеши. Азъ кратко помянулъ, смотрѣніе показуя. Сице всякъ вѣруяй не постыдится; а не вѣруяй осужденъ будетъ и во вѣки погибнетъ, по вышереченному Аѳанасію. Сице азъ, протопопъ Аввакумъ, вѣрую, сице исповѣдую, съ симъ живу и умираю.

Рожденіе же мое въ нижегородскихъ предѣлѣхъ, за Кудмою рѣкою, въ селѣ Григоровѣ. Отецъ ми бысть священникъ Петръ, мати Марія, инока Марѳа. Отецъ же мой прилежаше питія хмѣльнаго; мати же моя постница и молитвенница бысть, всегда учаше мя страху божію. Азъ же нѣкогда видѣлъ у сосѣда скотину умершу и, той нощи возставши, предъ образомъ плакався довольно о душѣ своей, поминая смерть, яко и мнѣ умереть; и съ тѣхъ мѣстъ обыкохъ по вся нощи молитися. Потомъ мати моя овдовѣла, и я осиротѣлъ молодъ, и отъ своихъ соплеменниковъ во изгнаніи быхомъ. Изволила же мати моя меня женить. Азъ же пресвятѣй Богородицѣ молихся, да дастъ ми жену помощницу ко спасенію. И въ томъ же селѣ дѣвица, сиротина жъ, безпрестанно обыкла ходити въ церковь, имя ей Анастасія. Отецъ ея былъ купецъ Марко, богатъ гораздо и, егда умре, послѣ его все истощилось. Она же въ скудости живяше и моляшеся Богу, даже сочетается за меня совокупленіемъ брачнымъ: и бысть по волѣ божіей тако. По семъ мати моя отшедъ къ Богу въ подвизѣ велицѣ. Азъ же отъ изгнанія преселихся во ино мѣсто, рукоположенъ во діаконы 20 лѣтъ съ годомъ, и по двулѣтѣхъ въ попы поставленъ. Живый въ попѣхъ 8 лѣтъ, и потомъ совершенъ въ протопопы православными епископы, тому 20 лѣтъ минуло; а всего 30 лѣтъ, какъ имѣю священство.

А егда въ попѣхъ былъ, тогда имѣлъ у себя дѣтей духовныхъ много: по се время сотъ съ пять или съ

шесть будетъ. Не почивая, азъ, грѣшный, прилежа въ церквахъ и въ домѣхъ, и на распутіяхъ, по градомъ и селомъ, еще же и въ царствующемъ градѣ, и во странѣ сибирской, проповѣдуя и уча слову божію, годовъ будетъ тому съ полтредьятцать. Егда еще былъ въ попѣхъ, пріиде ко мнѣ исповѣдатися дѣвица, многими грѣхами обремененна, блудному дѣлу (и малакіи всякой) повинна, нача мнѣ, плакавшися, подробну возвѣщати въ церкви, предъ евангеліемъ стоя. Азъ же треокаянный и врачъ самъ разболѣлся, внутрь жгомъ огнемъ блуднымъ, и горько бысть мнѣ въ той часъ: зажегъ три свѣщи и прилѣпилъ къ налою, и возложилъ руку правую на пламя и держалъ, дондеже во мнѣ угасло злое разженіе, и отпустя дѣвицу, сложа ризы, помоляся, пошелъ въ домъ свой зѣло скорбенъ. Время же яко полнощи, и пришедъ въ свою избу, плакався предъ образомъ Господнимъ, яко и очи опухли, и моляся прилежно, да отлучитъ мя Богъ отъ дѣтей духовныхъ, понеже бремя тяжко, неудобь носимо. И падохъ на землю на лицѣ своемъ, рыдаше горцѣ; и забыхся лежа, не вѣмъ, какъ плачу. А очи сердечніи при рѣкѣ Волгѣ; вижу: плывутъ стройно два корабля златы и веслы на нихъ златы, и шесты златы, и все злато; по единому кормщику на нихъ сидѣльцевъ; и я спросилъ: „чіе корабли“? а они отвѣщали: „Лукинъ и Лаврентьевъ“. Сіи быша ми духовніи дѣти, меня и домъ мой наставили на путь спасенія и скончалися богоугодно. А се потомъ вижу: третій корабль, не златомъ украшенъ, но разными пестротами, красно, и бѣло, и сине, и черно, и пепелно, его же умъ человѣчь не вмѣсти красоты его и доброты. Юноша свѣтелъ, на кормѣ сидя, прави, и я вскричалъ: „чей корабль“? и сидяй на немъ отвѣщалъ: „твой корабль; доплывай на немъ съ женою и дѣтьми, коли докучаешь“. И я, вострепетавъ и сѣдше, разсуждаю: что се видимое и что будетъ плаваніе?..

А се по малѣ времени,—по писанному,—объяша мя болѣзни смертныя, бѣды адовы обыдоша мя; скорбь и болѣзнь обрѣтохъ. У вдовы начальникъ отнялъ дочерь, и азъ молихъ его, даже сиротину возвратить къ матери;

и онъ, презрѣвъ моленіе наше, и воздвигъ на мя бури: у церкви пришедъ сонмъ, до смерти меня задавили. И азъ, лежа мертвъ полчаса и больше, и паки оживе божіимъ мановеніемъ, и онъ устрашися, отступимся мнѣ дѣвицы. Потомъ научилъ его діаволъ: пришедъ въ церковь, билъ и волочилъ меня за ноги по землѣ въ ризахъ, и я молитву въ то время говорю.

Таже инъ начальникъ во ино время на мя разсвирѣпѣлъ. Прибѣжавъ ко мнѣ въ домъ, билъ меня и у руки отгрызъ персты, яко песъ, зубами; и егда наполнилась гортань его крови, тогда руку мою испустилъ изъ зубовъ своихъ и, покиня меня, пошелъ въ домъ свой. Азъ же, поблагодаря Бога, завертѣвъ руку платомъ, пошелъ къ вечерни; и, егда шелъ путемъ, наскочилъ на меня онъ же паки съ двѣма малыми пищалями и, близь меня бывъ, запалилъ изъ пистола и Божіею волею на полкѣ порохъ пыхнулъ, а пищаль не стрѣлила. Онъ же бросился на землю, и изъ другія паки запалилъ также, и божія воля учинила также: и та пищаль не стрѣлила. Азъ, прилежно идучи, молюсь Богу, единою рукою осѣнилъ его и поклонился ему; онъ меня лаетъ, а я ему рекъ: „благодать во устнѣхъ твоихъ Иванъ Родіоновичъ, да будетъ!" По семъ дворъ у меня отнялъ и меня выбилъ, все ограбя, и на дорогу хлѣба не далъ. Въ то же время родился сынъ мой Прокопій, который сидитъ съ матерію въ землѣ закопанъ. Азъ же, взявъ клюшку, а мати некрещеннаго младенца, побрели, аможе Богъ наставитъ и на пути крестили якоже Филипъ каженника древле. Егда же азъ прибрелъ къ Москвѣ, къ духовнику, протопопу Стефану и къ Неронову протопопу Іоанну, они же обо мнѣ царю возвѣстиша, и государь меня почалъ съ тѣхъ поръ знати. Отцы же грамотою паки послали меня на старое мѣсто, и я притащился: ано и стѣны раззорены моихъ храминъ и я паки завелся, и діаволъ паки воздвигъ на меня бурю.

Пріидоша въ село мое плясовые медвѣди съ бубнами и съ домрами, и я грѣшникъ, по Христѣ ревнуя, изгналъ ихъ и хари и бубны изломалъ на полѣ единъ у многихъ, и медвѣдей двухъ великихъ отнялъ,—одного

ушибъ и паки ожилъ, а другого отпустилъ въ поле. И за сіе меня *Василій Петровичъ Шереметьевъ*, плывучи Волгою въ Казань на воеводство, взявъ на судно и браня много и велѣвъ благословить сына своего Матвѣя, *брадобрица*. Азъ же не благословилъ, а отъ писанія его порицалъ, видя *блудоносный* образъ. Болят ринъ же, гораздо осердясь, велѣлъ меня бросить въ Волгу и, много томя, протолкали, а послѣ учинились добры до меня: у царя на сѣняхъ прощались, а брату моему меньшому боярыня Васильева и дочь духовная была. Такъ то Богъ строитъ своя люди.

На первое возвратимся. Таже инъ начальникъ на мя разсвирѣпѣлъ: пріѣхалъ съ людьми ко двору моему, стрѣлялъ изъ луковъ и изъ пищалей съ приступомъ; и азъ въ то время молился съ воплемъ ко Владыкѣ: „Господи! укроти его и примири, имиже вѣси, судьбами". И побѣжалъ отъ двора, гонимъ Святымъ Духомъ. Таже въ нощь ту прибѣжали отъ него и зовутъ меня со многими слезами: „Батюшко! Ѵфимій Степановичъ при кончинѣ и кричитъ неудобно, бьетъ себя и охаетъ, а самъ говоритъ: „дайте мнѣ батьки Аввакума, за него Богъ меня наказуетъ". И я чаялъ, меня обманываютъ: ужасеся духъ мой во мнѣ и се помолилъ Бога сице: „Ты, Господи, извѣдый мя изъ чрева матери моея и отъ небытія въ бытіе устроилъ: аще меня задушатъ и ты причти мя съ Филиппомъ, митрополитомъ московскимъ; аще зарѣжутъ, и Ты причти мя къ Захаріею пророкомъ; аще въ воду посадятъ, и Ты, яко Стефана пермскаго, паки освободиши мя!" И моляся поѣхалъ въ домъ къ нему, Ѵфимію. Егда же привезоша мя на дворъ, выбѣжала жена его Неонила и ухватила меня подъ руку и сама говоритъ: „Подитко, государь нашъ батюшко! Подитко, свѣтъ нашъ кормилецъ!" И я супротивъ того: „Чудно! давеча былъ блядинъ сынъ, а теперича батюшко; больше у Христа того остра шелапуга та; скоро повинился мужъ твой". Ввела меня въ горницу, вскочилъ съ перины Ѵфимій, палъ предъ ногами моими, вопитъ неизрѣченно: „Прости государь! согрѣшилъ предъ Богомъ и предъ тобою"; а самъ дрожитъ весь. И я ему сопро-

тиво: „Хощеши ли впредь цѣлъ быти?“ Онъ же лежа отвѣща: „ей! честный отче!“ и я рекъ: „возстани, Богъ проститъ тя“. Онъ же наказанъ гораздо, не могъ самъ возстати и я поднялъ и положилъ его на постель, и исповѣдалъ и масломъ священнымъ помазалъ и бысть здравъ. Такъ Христосъ изволилъ. И на утро отпустилъ меня честно въ домъ мой и съ женою быша ми дѣти духовные, изрядны рабы христовы. Такъ то Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать.

По малѣ паки иніи изгнаша мя отъ мѣста того въ другой рядь. Азъ же сволокся къ Москвѣ и божіею волею государь меня велѣлъ въ протопопы поставить въ Юрьевцѣ повольскомъ. И тутъ пожилъ не много, только 8 недѣль. Діаволъ научилъ поповъ, и мужиковъ, и бабъ: пришли къ патріархову приказу, гдѣ я дѣла духовныя дѣлалъ, и вытаща меня изъ приказа (собраніемъ человѣкъ съ тысячу и полторы ихъ было), среди улицы били батожьемъ и топтали, и бабы были съ рычагами; грѣхъ ради моихъ замертво убили и бросили подъ избной уголъ. Воевода съ пушкарями прибѣжали и, ухватя меня, на лошади умчали въ мой дворишко; а пушкарей воевода около двора поставилъ. Людіе же ко двору приступаютъ и по граду молва велика, наипаче же попы и бабы, которыхъ унималъ отъ блудни, вопять: „убить вора, блядина сына да и тѣло собакамъ въ ровъ кинемъ“.—Азъ же отдохня въ 3-й день ночью, покиня жену и дѣти, по Волгѣ самъ третій ушелъ къ Москвѣ; на Кострому прибѣжалъ, ано и тутъ протопопа же Даніила изгнали. Охъ горе! нигдѣ отъ діавола житья нѣтъ! Прибрелъ къ Москвѣ; духовнику Стефану показался; и онъ на меня учинился печаленъ: на что де церковь соборную покинулъ? Опять мнѣ другое горе. Царь пришелъ къ духовнику благословитися ночью, меня увидѣлъ тутъ,—опять кручина: на что де городъ покинулъ?

И жена, и дѣти, и домочадцы человѣкъ съ двадцать въ Юрьевцѣ остались невѣдомо живы, невѣдомо прибиты,—тутъ паки горе!

По семъ, *Никонъ, другъ нашъ,* привезъ изъ Соловковъ Филиппа митрополита, и прежде его пріѣзду ду-

ховникъ Стефанъ, моля Бога и постяся седмицу съ братіею и я съ ними тутъ же о патріархѣ, даже дастъ Богъ пастыря ко спасенію душъ нашихъ и съ митрополитомъ казанскимъ, написавъ челобитную за руками подали царю и царицѣ о духовникѣ Стефанѣ, чтобы ему быть въ патріархахъ. Онъ же, не восхотѣвъ самъ, и указалъ на Никона митрополита. Царь его и послушалъ и пишетъ къ нему посланіе на встрѣчу: „Преосвященному митрополиту Никону, новгородскому и великолуцкому и всея Россіи радоватися и прочая". Егда же пріѣхалъ, съ нами яко лисъ, челомъ да здорово: вѣдаетъ, что быть ему въ патріархахъ и чтобъ откуля помѣшка какова не учинилось. Много о тѣхъ козняхъ говорить. Егда поставили патріархомъ, такъ друзей не сталъ и въ крестовую пускать и сей ядъ отрыгнулъ.

Въ постъ великій прислалъ память къ казанской и Неронову Іоанну. (А мнѣ отецъ духовный былъ, я у него все и жилъ въ церкви; егда куда отлучится, азъ вѣдаю церковь; и къ мѣсту говорили на дворецъ къ Спасу на Силино покойника мѣсто, да Богъ не изволилъ, а се и у меня радѣніе худо было: любо мнѣ у Казанскія, то и держался: челъ народу книги, много людей приходило). Въ памяти Никонъ пишетъ годъ, число „по преданію святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ не подобаетъ въ церкви метанія творити на колѣну, но въ поясъ бы вамъ творити поклоны, еще и тремя персты бы крестились". Мы же задумалися, сошедшися между собою: видимъ, яко зима хощетъ быти; сердце озябло и ноги задрожали. Нероновъ приказалъ мнѣ церковь, а самъ единъ скрылся въ Чудовъ, седмицу въ палаткѣ молился, и тамъ ему отъ образа гласъ бысть во время молитвы: „время приспѣ страданія, подобаетъ вамъ неослабно страдати". Онъ же мнѣ, плачучи, сказалъ таже коломенскому епископу Павлу, егоже Никонъ напослѣдокъ огнемъ жжегъ въ новгородскихъ предѣлѣхъ, потомъ Даніилу, костромскому протопопу, таже сказалъ и всей братіи. Мы съ Даніиломъ написахомъ изъ книгъ выписки о сложеніи перстъ и о поклонѣхъ и подали Государю. Много писано было. Онъ же, не вѣмъ гдѣ, скрылъ ихъ;

мнитъ ми ся, Никону отдалъ. Послѣ того вскорѣ схвативъ Никонъ Даніила въ монастырѣ за тверскими вороты, при царѣ остригъ голову и содравъ однорядку, ругая, отвелъ въ Чудовъ въ хлѣбню и, муча много, сослалъ въ Астрахань; вѣнецъ терновъ на главу тамъ ему возложили, въ земляной тюрьмѣ уморили. Послѣ Даніилова стриженья взяли другаго Темниковскаго Даніила же протопопа и посадили въ монастырѣ у Спаса на Новомъ. Тажь съ протопопа Неронова Ивана въ церкви скуфью снялъ и посадилъ въ Симоновѣ монастырѣ, а послѣ сослалъ на Вологду въ Спасовъ Каменный монастырь, потомъ въ Кольскій острогъ и на послѣдокъ по многомъ страданіи, изнемогъ бѣдный: принялъ три перста да такъ и умеръ. Охъ горе! Всякъ мняйся стояти да блюдется, да ся не падетъ: люто время, по реченному Господемъ, аще возможно духу антихристову прельстити и избранныя. Зѣло надобно крѣпко молитися Богу, да спасетъ и помилуетъ насъ, яко благъ и человѣколюбецъ. Таже меня взяли отъ всенощнаго—Борисъ Нелединскій со стрѣльцами, человѣкъ со мною до шестьдесятъ взяли, ихъ въ тюрьму отвели, а меня на патріарховѣ дворѣ на цѣпь посадили ночью. Егда же разсвѣтало въ день недѣльный, посадили меня на телѣгу и растянули руки и везли отъ патріархова двора до Андроньева монастыря и тутъ на цѣпи кинули въ темную палатку,—ушла въ землю, и сидѣлъ три дня, не ѣлъ ни пилъ во тьмѣ, сидя, кланяясь на цѣпи, не знаю на востокъ, не знаю на западъ. Никто ко мнѣ не приходилъ, токмо мыши и тараканы, и сверчки кричатъ, и блохъ довольно. Бысть же я въ третій день пріалченъ, сирѣчь ѣсть захотѣлъ, и послѣ вечерни ста предо мною не вѣмъ ангелъ, не вѣмъ человѣкъ,—и по се время не знаю,—токмо въ потемкахъ молитву сотворилъ и, взявъ меня за плечо, съ цѣпію къ лавкѣ привелъ, и посадилъ и ложку въ руки далъ, хлѣбца немножко и штецъ далъ похлебать, зѣло превкусны хороши, и реклъ мнѣ: „полно, довлѣетъ ти ко укрѣпленію". Де и не стало его, двери не отворились и его не стало, дивно только человѣкъ, а что же ангелъ? ино нечему дивиться, вездѣ

ему не загорожено. На утро архимандритъ съ братіею пришли и вывели меня; журятъ мнѣ, что патріарху не покорился, а я отъ писанія его браню да лаю. Сняли большую цѣпь да малую наложили, отдали чернцу подъ началъ: велѣли волочить въ церковь. У церкви за волосы дерутъ, и подъ бока толкаютъ, и за чепь торгаютъ, и въ глаза плюютъ. Богъ ихъ проститъ въ сей вѣкъ и въ будущій! Не ихъ то дѣло, но сатаны лукаваго. Сидѣлъ тутъ я 4 недѣли.

Въ то время послѣ меня взяли Логина, протопопа муромскаго. Въ соборной церкви при царѣ остригъ въ обѣдню; во время переноса снялъ патріархъ со главы у архидіякона дискосъ и поставилъ на престолъ съ тѣломъ христовымъ и съ чашею. Архимандритъ чудовскій Ѳерапонтъ внѣ олтаря при дверяхъ царскихъ стоялъ. Увы, разсѣченія тѣла христова пуще жидовскаго дѣйства! Остригши, содрали съ него однорядку и кафтанъ. Логинъ же ражжегся ревностію божественнаго огня, Никона порицая, и чрезъ порогъ въ олтарь въ глаза Никону плевалъ; распоясався, схватя съ себя рубашку, въ олтарь въ глаза Никону бросилъ; и чудно: растопоряся рубашка, и покрыла на престолѣ дискосъ, будто воздухъ. И въ то время и царица въ церкви была. На Логина возложили цѣпь и, таща изъ церкви, били метлами и шелепами до богоявленскаго монастыря, и кинули въ палатку ночью и стрѣльцовъ на караулѣ поставили накрѣпко стоять. Ему же Богъ въ ту нощь шубу новую да шапку далъ; а на утро Никону сказали и онъ разсмѣявся, говоритъ: „Знаю су я пустосвятовъ тѣхъ“;—и шапку у него отнялъ, а шубу у него оставилъ.

По семъ паки меня изъ монастыря водили пѣшаго на патріарховъ дворъ; также, руки растеня, и стязався много со мною, паки также отвели. Тоже въ Никитинъ день ходъ со кресты, а меня паки на телѣгѣ везли противъ крестовъ. И привезли къ соборной церкви стричь, и держали въ обѣдню на порогѣ долго. Государь съ мѣста сошелъ и, приступя къ патріарху, упросилъ не стричь: и отвели въ сибирской приказъ, и отдали діаку

Третьяку Башмакову, что нынѣ страждетъ же по Христѣ—старецъ Савватій, сидитъ на Новомъ, въ земляной же тюрьмѣ: спаси его, Господи! и тогда дѣлалъ мнѣ добро. Таже послали меня въ Сибирь съ женою и съ дѣтьми, и колико дорогою нужды бысть, того всего много говорить, развѣ малая часть помянуть. Протопопица младенца родила, больную въ телѣгѣ и повезли до Тобольска; 3000 верстъ недѣль съ тринадцать волокли телѣгами и водою, и саньми половину пути.

Архіепископъ въ Тобольскѣ къ мѣсту устроилъ меня. Тутъ у церкви великія бѣды постигоша меня: въ полтора года пять словъ государевыхъ сказывали на меня, и единъ нѣкто архіепископля двора Дьякъ Иванъ Струна, тотъ и душею моею потрясъ. Съѣхалъ архіепископъ къ Москвѣ, а онъ безъ него дьявольскимъ наученьемъ напалъ на меня: церкви моея дьяка Антона мучить напрасно захотѣлъ. Онъ же Антонъ утече у него и прибѣжалъ въ церковь ко мнѣ. Той же Струна Иванъ, собрався съ людьми, во инъ день пріиде ко мнѣ въ церковь,—и я вечерню пою,—и вскочилъ въ церковь, ухватилъ Антона на клиросѣ за бороду. А я въ то время двери церковныя затворилъ и никого не пустилъ; одинъ онъ Струна вертится, что бѣсъ; и я, покиня вечерню, съ Антономъ посадилъ его среди церкви на полу и, за церковный мятежъ, постегалъ его ремнемъ нарочито таки; а прочіи человѣкъ съ двадцать вси побѣгоша, гоними Духомъ Святымъ. И покаяніе отъ Струны принявъ, паки отпустилъ его къ себѣ. Сродницы же Струнины, попы и чернецы—весь возмутили градъ, да како меня погубятъ. И въ полунощи привезли сани ко двору моему, ломились въ избу, хотя меня взять и въ воду свезти: и божьимъ страхомъ отгнаны быша и побѣгоша вспять. Мучился я съ мѣсяцъ отъ нихъ, бѣгаючи втай; иное въ церкви ночую, иное къ воеводѣ уйду, иное въ тюрьму просился,—ино не пустятъ. Провожалъ меня много Матвѣй Ломковъ, иже и Митрофанъ именуемъ въ чернцахъ, а послѣ на Москвѣ у Павла митрополита ризничимъ былъ; въ соборной церкви съ діакономъ Аѳанасіемъ меня стригъ: тогда добръ былъ, а нынѣ

діаволъ поглотилъ его. Потомъ пріѣхалъ архіепископъ съ Москвы и правильною виною его Струну на цѣпь посадилъ за сіе. Нѣкій человѣкъ съ дочерью кровосмѣшеніе сотворилъ и онъ, Струна, полтину взявъ, и не наказавъ мужика отпустилъ. И владыка его сковать приказалъ и мое дѣло тутъ же помянулъ. Онъ же, Струна, ушелъ къ воеводамъ въ приказъ и сказалъ слово и дѣло государево на меня. Воеводы отдали его сыну боярскому лучшему, Петру Бекетову за приставъ. Увы! погибель пришла на дворъ Петру, аще и души моей горе тутъ есть. Подумавъ архіепископъ со мною, по правиламъ за вину кровосмѣшенія сталъ Струну проклинать въ недѣлю православія въ церкви большой. Той же Бекетовъ Петръ, пришедъ въ церковь, браня архіепископа и меня, и въ той часъ изъ церкви пошедъ, и сбѣсился, ко двору своему идучи, и умре горькою смертію злѣ. И мы со владыкою приказали тѣло его среди улицы собакамъ бросить, даже граждане оплачутъ его согрѣшеніе; и сами три дня прилежнѣе стужали Божеству, даже въ день вѣка отпустится ему. Жалѣя Струну, такову пагубу себѣ пріялъ, а по тріехъ днехъ владыка и мы сами честнѣ тѣло его погребли. Полно того плачевнаго дѣла говорить!

По семъ указъ пришелъ: велѣно меня изъ Тобольска на Лену везти за сіе, что браню отъ писанія и укоряю ересь Никонову. Въ тоже время пришла съ Москвы грамотка: два брата жили у царицы вверху и оба умерли въ моръ и съ женами и съ дѣтьми, и многіе друзья и сродницы померли; изліялъ Богъ на царство фіялъ гнѣва своего. Да не узнались горюны, однако церковію мятутъ. Говорилъ тогда и сказывалъ Нероновъ царю: „Три пагубы за церковный раздоръ: моръ, мечь, раздѣленіе“. То и сбылось во дни наша нынѣ; но милостивъ Господь: наказавъ покаянія ради, и помилуетъ насъ, прогнавъ болѣзни душъ нашихъ и тѣлесъ, и тишину подастъ. Уповаю и надѣюся на Христа, ожидаю милосердія его и чаю воскресенія мертвыхъ.

Таже сѣлъ опять въ корабль свой, еже показанъ ми,—что выше сего рекохъ,—поѣхалъ на Лену. А какъ

пріѣхалъ въ Енисейскъ, другой указъ пришелъ: велѣно въ Даурію везти, двадцать тысячъ и больше будетъ отъ Москвы,—и отдать меня Аѳанасью Пашкову въ полкъ. Людей съ нимъ было 600 человѣкъ и, грѣхъ ради моихъ, суровъ человѣкъ: безпрестанно людей жжетъ, и мучитъ, и бьетъ; и я его много уговаривалъ да и самъ въ руки попалъ; а съ Москвы отъ Никона приказано было мучить меня. Егда поѣхали изъ Енисейска, какъ буде въ большой Тунгускѣ рѣкѣ, въ воду загрузило бурею дощеникъ мой: совсѣмъ налился среди рѣки полонъ воды и парусъ изорвало, одни палубы надъ водою, а то все въ воду ушло. Жена моя на палубы изъ воды ребятъ кое какъ вытаскала, простоволоса ходя, а я, на небо глядя, кричу: „Господи! спаси! Господи, помози!“ И божіею волею прибило насъ къ берегу; много о томъ говорить. На другомъ дощеникѣ двухъ человѣкъ сорвало и утонули въ водѣ. По семъ, оправяся на берегу, и опять поѣхали впредь. Егда пріѣхали на Шаманской порогъ, на встрѣчу приплыли люди иные къ намъ, а съ ними двѣ вдовы: одна лѣтъ во 60, а другая и больше, пловутъ пострищись въ монастырь. А онъ, Пашковъ, сталъ ихъ ворочать и хочетъ за мужъ отдать; а я ему сталъ говорить: „по правиламъ не подобаетъ таковыхъ за мужъ давать“. И чѣмъ бы ему, послушавъ меня, и вдовъ отпустить; а онъ вздумалъ мучить меня, осердясь. На другомъ Долгомъ порогѣ сталъ меня изъ дощеника выбивать· „для-де тебя дощеникъ худо идетъ; еретикъ-де ты, поди-де по горамъ, а съ казаками не ходи“. О горе стало! Горы высоки, дебри не проходимыя, утесъ каменной, яко стѣна стоитъ,—и поглядѣть, заломя голову; въ горахъ тѣхъ обрѣтаются зміи великіе; въ нихъ же витаютъ гуси и утицы — періе красное, вороны черные и галки сѣрыя; въ тѣхъ же горахъ орлы, и соколы, и кречеты и курята индѣйскія, и бабы, и лебеди и иныя дикія, многое множество, птицы разныя. На тѣхъ же горахъ гуляютъ звѣри многіе: дикія козы, и олени, и зубры, и лоси, и кабаны, волки, бараны дикіе во очію нашу, а взять нельзя. На тѣ горы выбивалъ меня Пашковъ со звѣрьми и птицами витати, и азъ ему малое писаньице

написалъ, сице начало: „Человѣче! убойся Бога, сѣдящаго на херувимѣхъ и призирающаго въ бездны, Егоже трепещутъ небесныя силы и вся тварь со человѣки, единъ ты презираешь и неудобство показуешь“ и прочая. Тамъ многонько писано; и послалъ къ нему. А и бѣгутъ человѣкъ съ пятьдесятъ: взяли мой дощеникъ и помчали къ нему, версты съ три; стоялъ я, казакамъ каши наварилъ да кормлю ихъ; а они бѣдные и ѣдятъ, и дрожатъ, а иные, глядя, плачутъ на меня; жалѣютъ по мнѣ. Привели дощеникъ; взяли меня палачи, привели предъ него. Онъ со шпагою стоитъ и дрожитъ; началъ мнѣ говорить: „попъ или распопъ?“ И азъ отвѣщалъ: „Азъ есмь Аввакумъ, протопопъ, говори: что тебѣ дѣло до меня?“ Онъ же рыкнулъ, яко дикій звѣрь, и ударилъ меня по щекѣ, таже по другой и паки въ голову и сбилъ меня съ ногъ и, чепь ухватя, лежачаго по спинѣ ударилъ трижды и, разболокши, по той же спинѣ 72 удара кнутомъ. И я говорю: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! помогай мнѣ“. Да тоже безпрестанно говорю; такъ горько ему, что не говорю: „пощади“. Ко всякому удару молитву говорилъ, да середи побой вскричалъ я къ нему: „полно бить-то“; такъ онъ велѣлъ перестать. И я промолвилъ ему: „За что ты меня бьешь: знаешь ли? И онъ велѣлъ паки бить по бокамъ; и отпустили: я задрожалъ да и упалъ; и онъ паки велѣлъ меня въ казенный дощеникъ оттащить: сковали руки и ноги и на беть кинули. Осень была, дождь на меня шелъ всю нощь, подъ капелью лежалъ; какъ били, такъ небольно было съ молитвою-то, а лежа, на умъ взбрело: „За что ты, Сыне Божій, попустилъ меня таково больно убить меня? я вѣдь за вдовы Твоя сталъ; кто дастъ судію между мною и Тобою? когда вѣровалъ, и Ты меня такъ не оскорблялъ; а нынѣ не вѣмъ, что согрѣшилъ“. Будто добрый человѣкъ, другой фарисей съ навозною рожей, со владыкой судиться захотѣлъ! Аще Іовъ и говорилъ такъ, да онъ праведенъ, непороченъ; а се и писанія не разумѣлъ, внѣ закона въ странѣ варварстѣй, отъ твари Бога позналъ. А я первое грѣшникъ, второе на законѣ почиваю и писаніемъ отвсюду подкрѣпляемъ: „яко мно-

гими скорбьми подобаетъ намъ внити въ царство небесное“; а на такое безуміе пришелъ. Увы мнѣ! какъ дощеникъ-отъ въ воду не погрязъ со мною? Стало у меня въ тѣ поры кости тѣ щемить, и жилы тѣ тянуть, и сердце задрожалось, да и умирать сталъ; воды мнѣ въ ротъ плеснули, такъ вздохнухъ да покаялся предъ Владыкою, и Господь свѣтъ милостивъ, не поминаетъ нашихъ беззаконій первыхъ, покаянія ради: и опять не стало ничто болѣть.

На утро кинули меня въ лодку и на предь повезли. Егда пріѣхали къ порогу самому большому Падуну, рѣка въ томъ мѣстѣ шириною съ версту, три заливка чрезъ всю рѣку зѣло круты, не воротами что попловетъ, ино въ щепы изломаетъ. Меня привезли подъ порогъ: сверху дождь и снѣгъ, а на мнѣ на плеча накинутъ кафтанишко просто; льетъ вода по брюху и по спинѣ,— нуждно было гораздо. Изъ лодки выташа, по каменію скованна около порога тащили; грустно гораздо, на душѣ добро: не пеняю уже на Бога. Въ другой рядь на умъ пришли рѣчи, Пророкомъ и Апостоломъ рѣченныя: „сыне! не пренемогай наказаніемъ Господнимъ, ниже ослабѣй, отъ него обличаемъ: Его же любитъ Богъ, того наказуетъ; біетъ же всякаго сына, его же пріемлетъ; аще наказанія терпите, тогда яко сыномъ обрѣтается вамъ Богъ; аще ли безъ наказанія пріобщаетеся Ему, то выблядки, а не сынове есте“. И сими рѣчьми тѣшилъ себя. По семъ привезли въ Братской острогъ и въ тюрьму кинули, соломки дали. И сидѣлъ до Филиппова поста въ студеной башнѣ; тамъ зима въ тѣ поры живетъ, да Богъ грѣлъ и безъ платья: что собачка на соломкѣ лежу; коли накормятъ, коли нѣтъ; мышей много было, я ихъ *скуфьею* билъ, — и батожка не дадутъ дурачки; все на брюхѣ лежалъ, спина гнила, блохъ да вшей было много. Хотѣлъ на Пашкова кричать: „прости“, но воля Божія возбранила, велѣно терпѣть. Перевелъ меня въ теплую избу, и я тутъ съ аманатами и съ собаками жилъ скованъ зиму всю; а жена съ дѣтьми верстъ съ 20 была сослана отъ меня. Баба ее Ксенія мучила зиму ту всю— лаяла да укоряла. Сынъ Иванъ не великъ былъ, при-

брелъ ко мнѣ побывать послѣ Христова Рождества: и Пашковъ велѣлъ кинуть въ студеную тюрьму, гдѣ я сидѣлъ: ночевалъ милой и замерзъ было тутъ, а на утро опять велѣлъ къ матери протолкать; я его и не видалъ;— приволокся къ матери, руки и ноги отзнобилъ.

На весну паки поѣхали впередъ. Запасу небольшое мѣсто осталось, а первой разграбленъ весь: и книги, и одежда и иная рухлядь отнята была, а иное осталось. На Байкаловѣ морѣ паки тонулъ; по Шилкѣ рѣкѣ, заставилъ меня лямку тянуть: зѣло нуженъ ходъ ею былъ. И поѣсть было неколи нежели спать; лѣто цѣлое мучился отъ водяныя тяготы; люди изгибали, и у меня ноги и животъ сини были. Два лѣта бродили въ водахъ, а зимами чрезъ волоки волочилися. На той же Шилкѣ въ третій тонулъ: барку отъ берегу оторвало водою; людскія стоятъ, а мою ухватило да и понесло; жена и дѣти осталися на берегу, а меня самъ другъ съ кормщикомъ помчало. Вода быстрая переворачиваетъ барку вверхъ боками и дномъ, а я на ней ползаю, а самъ кричу: „Владычице, помози! Упованіе, не утопи!“ Иное ноги въ водѣ, а иное выползу наверхъ; гнало съ версту и больше, да люди переняли; все размыло до крохи. Да что вѣдь дѣлать, коли Христосъ и Пречистая Богородица изволили такъ? Я, вышедъ изъ воды, смѣюсь, а люди тѣ плачутъ, платье мое по кустамъ развѣшивая, шубы атласныя и тафтяныя и кое-какія бездѣлицы: тое много было еще въ чемоданахъ, да въ сумахъ, все съ тѣхъ мѣстъ перегнило. А Пашковъ опять меня же хочетъ бить: „Ты-де надъ собою дѣлаешь за посмѣхъ“. И я паки свѣту Богородицѣ докучать: Владычице! уйми дурака того!“ Такъ она надежда уняла: сталъ по мнѣ тужить. Потомъ доѣхали до Иргея озера: волокъ тутъ, стали зимою волочиться; моихъ работниковъ отнялъ, а инымъ у меня наняться не велитъ, а дѣти маленьки были; ѣдаковъ много, а работать некому; одинъ бѣдный горемыка протопопъ нарту сдѣлалъ и зиму волочился за волокъ. Весною на плотахъ по Ингодѣ рѣкѣ поплыли на низъ, четвертое лѣто отъ Тобольска плаванію моему. Лѣсъ гнали хоромной и городовой, стало нечего ѣсть,

люди учали съ голоду мереть и отъ работныя водяныя бродни; рѣка мелкая, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки большія, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокія, — огонь да встряска, — люди голодные: лишь станутъ мучить, ано и умретъ. Ахъ времени тому! не знаю, какъ умъ отъ него отступился. У протопопицы моей однорядка московская была не изгнила: по русскому рубли съ полтретьядцать и больше, по тамошнему далъ намъ 4 мѣшка ржи за нея и мы годъ другой тянулися, на Нерчѣ рѣкѣ живучи, съ травою перебиваючися: всѣ люди съ голоду переморилъ, никуда не отпускалъ промышлять, осталось небольшое мѣсто, по степямъ скитающеся, и по полямъ траву и кореніе копали, и мы съ ними же. А зимою сосну, а иное кобылятины Богъ дастъ, и кости находили отъ волковъ пораженныхъ звѣрей и, что волкъ не доѣстъ, то мы доѣдимъ; а иные и самихъ озяблыхъ ѣли волковъ и лисицъ и, что получатъ, всякую скверну. Кобыла жеребенка родитъ, а голодные втай и жеребенка и мѣсто скверное кобылье съѣдятъ. А Пашковъ свѣдалъ, и кнутомъ до смерти забьетъ: и кобыла умерла, все изводъ взялъ, понеже не по чину жеребенка того вытащили изъ нея: лишь голову появилъ, а онѣ и выдернули да почали черовь скверную ѣсть. Охъ времени тому! и у меня два сына маленькихъ умерли въ нуждахъ тѣхъ, и съ прочими скитающеся по горамъ и острому каменію, наги и босы, травою и кореньемъ перебивающеся, коекакъ мучилися. И самъ я грѣшный волею и неволею причастникъ кобыльимъ и мертвечьимъ сквернымъ и птичьимъ мясомъ. Увы, грѣшной душѣ! кто дастъ главѣ моей воду и источникъ слезъ, даже оплачу бѣдную душу свою, юже азъ погубихъ житейскими сластьми? Но помогала намъ по Христѣ боляриня, воеводская сноха Евдокія Кириловна, да жена его Аѳанасьева Ѳекла Семеновна; онѣ намъ отъ смерти голодной тайно давали отраду: безъ вѣдома его иногда пришлютъ кусокъ мясца, иногда колобокъ, иногда мучки и овсеца, сколько сойдется—четверть пуда и гривенку другую, а иногда и полпудика накопитъ и передастъ, а иногда у куровъ корму

изъ корыта корму нагребетъ. Дочь моя, бѣдная горемыка Аграѳена бродила втай къ ней подъ окно. И горе и смѣхъ! Иногда ребенка погонятъ отъ окна безъ вѣдома боярынина, а иногда и многонько притащитъ; тогда не велика была, а нынѣ ужъ ей 27 годовъ; дѣвицею, бѣдная моя, на Мезени съ меньшими сестрами перебиваяся кое-какъ, плачучи, живутъ; а мать и братья въ землѣ закопаны сидятъ. Да что жъ дѣлать? пускай горше мучатся всѣ ради Христа! быть тому за Божіею помощію на томъ положено и помучиться ради вѣры Христовы. Любилъ протопопъ со славными знаться, люби же и терпѣть горемыка до конца; писано: „не начный блаженъ, но скончавый“. Полно того: на первое возвратимся.

Было въ Даурской землѣ нужды великія годовъ 6 и 7, а въ иные годы отрадило, а онъ, Аѳанасій, навѣтуя мнѣ, безпрестанно смерти мнѣ искалъ. Въ той же нуждѣ прислалъ ко мнѣ отъ себя двѣ вдовы, — сѣнныя его были,—Марья да Софья, одержимы духомъ нечистымъ: ворожа и колдуя много надъ ними, и видитъ, яко ничто же успѣваетъ; но паче молва бываетъ, зѣло жестоко бѣсъ ихъ мучитъ: бьются и кричатъ; призвалъ меня и поклонился мнѣ, говоритъ: „пожалуй, возьми ихъ ты и попекися о нихъ, Бога моля: послушаетъ тебя Богъ“. И я ему отвѣщалъ: „Господине! выше мѣры прошеніе; но за молитвы святыхъ отецъ нашихъ вся возможна суть Богу“. Взялъ ихъ бѣдныхъ, простите. Во искусѣ то на Руси бывало; человѣка три четыре бѣшеныхъ приведенныхъ бывало въ дому моемъ, а за молитвы святыхъ отецъ отхождаху отъ нихъ бѣси дѣйствомъ и повелѣніемъ Бога живаго и Господа нашего Іисуса Христа, Сына Божія, свѣта: слезами и водою покроплю и масломъ помажу, молебная пѣвше во имя Христово, и сила божія изгоняше отъ человѣкъ бѣсы и здрави бываху,—не по достоинству моему, никакоже, но по вѣрѣ приходящихъ. Древле благодать дѣйствовала осломъ при Валаамѣ, и при Іуліанѣ мученикѣ рысицею, при Сисиніи оленемъ: говорили человѣческимъ голосомъ; Богъ идѣже хощетъ, побѣждается естества чинъ. Чти

житіе Ѳеодора Эдесскаго; тамо обрящеши: и блудница мертваго воскресила; въ Кормчей писано: „не всѣхъ Духъ Святый рукополагаетъ, но всѣми кромѣ еретика дѣйствуетъ“.

Таже привели ко мнѣ бабъ бѣшеныхъ; я по обычаю самъ постился и имъ не давалъ ѣсть, молебствовалъ и масломъ мазалъ и, какъ знаю, дѣйствовалъ: и бабы цѣлоумны и здравы стали; я ихъ исповѣдалъ и причастилъ; живутъ у меня и молятся Богу, любятъ меня и домой нейдутъ. Свѣдалъ онъ, что мнѣ учинились дочери духовныя; осердился на меня опять пуще стараго, хотѣлъ меня въ огнѣ сжечь: „ты-де вывѣдываешь мои тайны“. А какъ причастить, не исповѣдавъ? а не причастить бѣшенаго, ано бѣса совершенно не отгонишь: бѣсъ-отъ вѣдь не мужикъ—батога не боится, боится онъ креста Христова, да воды святыя, да священнаго масла, а совершенно бѣжитъ отъ тѣла Христова; я кромѣ сихъ тайнъ врачевать не умѣю; въ нашей православной вѣрѣ безъ исповѣди не причащаю; въ Римской вѣрѣ творятъ такъ, небрегутъ о исповѣди; а намъ, православіе блюдущимъ, не подобаетъ такъ, но на всяко время покаянія искати. Аще священника ради нужды не получишь, и ты своему брату искусному возвѣсти согрѣшеніе свое, и Богъ проститъ тя, покаяніе твое видѣвъ; и тогда съ правильцемъ причащайся святыхъ таинъ, держи при себѣ запасный Агнецъ. Аще въ пути или на промыслу, или всяко прилучится кромѣ церкви, вздохня предъ Владыкою, и повышерѣченному ко брату исповѣдався, съ чистою совѣстію причастися святыни, такъ хорошо будетъ по постѣ и по правилѣ: на коробочку постели платочикъ и свѣчку зажги, и въ сосудцѣ водицы маленько, да на ложечку почерпни и часть тѣла христова съ молитвою въ воду на ложку положи, кадиломъ вся покади; поплакавъ, глаголи молитву всю: „Вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго“ (писано въ чинѣ причащенія); потомъ падше на землю, предъ образомъ, прощеніе проговори и, возставъ, образы поцѣлуй; и перекрестясь, съ молитвою причастися, и водицею запей и паки Богу

помолись: — „ну слава Христу!“ хотя и умрешь послѣ того, ино хорошо. Полно про то говорить, и сами знаете, что доброе добро.

Стану про бабъ говорить опять. Взялъ Пашковъ бѣдныхъ вдовъ отъ меня, бранитъ меня вмѣсто благодаренія; онъ чаялъ: Христосъ просто положитъ; ино стали пуще и стараго бѣситься. Заперъ ихъ въ пустую избу, ино никому приступу нѣтъ къ нимъ; призвалъ къ нимъ чернаго попа, а онѣ его дровами бросаютъ, — и поволокся прочь. Я дома плачу, а дѣлать не вѣдаю что; приступить ко двору не смѣю: больно сердитъ на меня; тайно послалъ къ нимъ воды святыя, велѣлъ ихъ умыть и напоить и имъ бѣднымъ легче стало: прибрели сами ко мнѣ тайно, и я помазалъ ихъ во имя христово масломъ, такъ опять—далъ Богъ—стали здоровы и опять домой пошли, да по ночамъ ко мнѣ прибѣгали тайно молиться Богу. Изрядныя дѣтки стали; играть перестали и правильца держаться стали; на Москвѣ съ боярынею въ Вознесенскомъ монастырѣ вселились. Слава о нихъ Богу.

Та же съ Нерчи рѣки паки назадъ возвратились къ Русѣ; пять недѣль по льду голому ѣхали на нартахъ. Мнѣ подъ робятъ и подъ рухлядишко далъ двѣ клячки, а самъ и протопопица брѣли пѣшіи, убивающися о ледъ. Страна варварская, иноземцы не мирные; отстать отъ людей не смѣемъ и за лошадьми итти не поспѣемъ; голодные и томные люди; протопопица бѣдная бредетъ, бредетъ да и повалится: скользко гораздо; въ иную пору бредучи повалилась, а иной томной же человѣкъ на нее набрелъ, тутъ же и повалился; оба кричатъ, а встать не могутъ. Мужикъ кричитъ: „матушка государыня! прости!“ а протопопица: „что ты, батько, меня задавилъ?“ Я пришелъ. На меня бѣдная пѣняетъ, говоря: „долголи муки сея, протопопъ, будетъ?“ И я говорю: „Марковна! до самыя смерти“. Она, вздохня, отвѣчала: „Добро, Петровичь; ино еще побредемъ“.

Курочка у насъ черненька была, по два яичка на день приносила робяти на пищу божіимъ повелѣніемъ, нуждѣ нашей помогая; Богъ такъ строилъ. На нартѣ везучи, въ то время удавили по грѣхомъ, и нынѣча жаль

мнѣ курочки той, какъ на разумъ придетъ. Ни курочка, ни то чудо было: во весь годъ по два яичка давала, сто рублевъ при ней плюново дѣло! жалѣю! И та курочка одушевленное божіе твореніе, насъ кормила, и сама съ нами кашку сосновую изъ котла тутъ же клевала, или и рыбки прилучится, и рыбку клевала и намъ противъ того два яичка на день давала. Слава Богу, вся сотворившему благая! И не просто она намъ и досталася. У боярыни куры всѣ переслѣпли и мереть стали, такъ она, собравши въ коробъ, ко мнѣ ихъ прислала; чтобъ-де батько пожаловалъ, помолился о курахъ. И я подумалъ: кормилица то есть наша, дѣтки у нея, надобны ей куры; молебенъ пѣлъ, воду святилъ; куровъ кропилъ и кадилъ; потомъ въ лѣсъ сбродилъ, корыто имъ сдѣлалъ, изъ чего ѣсть, и водою покропилъ, да къ ней все отослалъ. Курки божіимъ мановеніемъ исцѣлѣли и исправилися по вѣрѣ ея. Отъ того-то племени и наша курочка была, да полно того говорить: у Христа не сегодня такъ повелось. Еще Косма и Даміанъ человѣкомъ и скотомъ благодѣтельствовали и цѣлили о Христѣ. Богу вся надобна: и скотинка и птичка во славу Его пречистаго Владыки, еще и человѣка ради.

Таже поволоклись паки на Иргень озеро. Боярыня пожаловала, прислала сковородку пшеницы, и мы кутьи наѣлись. Кормилица моя была Еѵдокія Кириловна, а и съ нею діаволъ сговорилъ сице: сынъ у нея былъ Сѵмеонъ, тамъ родился; я молитву давалъ и крестилъ, на всякъ день присылали ко мнѣ по благословеніе и я, крестомъ благословя и водою покропя, поцѣловавъ его, паки его отпущу: дитя наше здорово и хорошо. Не прилучилось меня дома, занемогъ младенецъ. Смалодушничавъ она и осердясь на меня, послала ребенка къ шептуну мужику. Я, свѣдавъ, осердился же на нее и межъ нами пря велика стала быть; младенецъ пуще занемогъ; рука правая и нога засохли, что батожки. Въ зазоръ пришла; не вѣдаетъ, что дѣлать, а Богъ пуще угнетаетъ. Ребеночекъ на кончину пришелъ; пѣстуны, ко мнѣ приходя, плачутъ, а я говорю: „коли баба лиха, живи же себѣ одна“. И ожидаю покаянія ея. Вижу, яко ожесточилъ

діаволъ сердце ея; припалъ ко Владыкѣ, чтобы образумился. Господь же премилостивый Богъ умягчилъ ниву сердца ея; прислала на утро сына средняго ко мнѣ Ивана: со слезами проситъ прощенія матери своей, ходя и кланяяся около печи моей; а я лежу подъ берестомъ нагъ на печи, а протопопица въ печи, а дѣти кое гдѣ; въ дождь прилучилось; одежды не стало, а зимовье каплетъ: всяко мотаемся. И я, смиряя, приказываю ей: „вели матери прощенія просить у Ареѳы колдуна“. Потомъ и больного принесла; велѣла больного предъ меня положить: и всѣ плачутъ и кланяются. Я су всталъ, добылъ въ грязи патрахѣль и масло священное нашелъ; помоля Бога и покадя младенца, помазалъ масломъ и крестомъ благословилъ. Ребенокъ, Богъ далъ, и опять здоровъ сталъ съ рукою и съ ногою. Водою святою его напоилъ и къ матери послалъ. Виждь, слышателю, покаяніе матери колику силу сотвори: душу свою извpачевала и сына исцѣлила. Чему быть? не сего дни кающихся есть Богъ! На утро прислала намъ рыбы да пироговъ; а намъ то голоднымъ надобѣ, и съ тѣхъ мѣстъ помирилися.

Выѣхавъ изъ Дуаръ, умерла маленькая на Москвѣ, я и погребалъ въ Вознесенскомъ монастырѣ. Свѣдалъ то и самъ Пашковъ про младенца, она ему сказала. Потомъ я къ нему пришелъ и онъ, поклоняся низенько мнѣ, а самъ говорилъ: „Спаси Богъ! отечески творишь, не помнишь нашего зла“. И въ то время пищи довольно прислалъ и опослѣ того вскорѣ хотѣлъ меня пытать, слушай за что. Пускалъ онъ сына своего Еремѣя въ мунгальское царство воевать, казаковъ съ нимъ 72 человѣка да иноземцевъ 20 человѣкъ; и заставилъ иноземца шаманить, сирѣчь гадать: удастся ли имъ и съ побѣдою ли будутъ домой. Волхвъ же той мужикъ, близь моего зимовья, привелъ барана живаго въ вечеръ и учалъ надъ нимъ волхвовать: вертя его много, и голову прочь отвертѣлъ и прочь отбросилъ. И началъ скакать, и плясать, и бѣсовъ призывать и, много кричавъ, о землю ударился, и пѣна изо рта пошла; бѣсы давили его, а онъ спрашивалъ ихъ: „удастся ли походъ?“ И бѣсы сказали: „съ побѣдою великою и съ богатствомъ

большимъ будетъ назадъ". И воеводы рады; и всѣ люди, радуяся, говорятъ: „богаты пріѣдемъ!" Охъ души моей! тогда горько и нынѣ не сладко. Пастырь худой погубилъ своя овцы, отъ горести забылъ реченное во Евангеліи, егда Зеведѣевичи на поселянъ жестокихъ совѣтовали: „Господи! хощеши ли речевѣ, да огнь снидетъ съ небесе и потребитъ ихъ, якоже Илія сотвори? обращься же Іесусъ рече имъ: не вѣсте, коего духа есте вы: сынъ бо человѣческій не пріиде душъ человѣческихъ погубити, но спасти; и идоша во ину весь". А я окаянный сдѣлалъ не такъ. Въ хлѣвинѣ своей кричалъ съ воплемъ къ Господу! „Послушай мене, Боже! послушай мене, Царю небесный! Свѣтъ! послушай мене! да не возвратится вспять ни единъ отъ нихъ и гробъ имъ тамъ устроиши всѣмъ! приложи имъ зла, Господи! приложи имъ и погибель имъ наведи, да не сбудется пророчество діавольское!" И много того было говорено, и втайнѣ о томъ же Бога молилъ. Сказали ему, что я такъ молюсь, и онъ лишь излаялъ меня. Потомъ отпустилъ съ войскомъ сына своего; ночью поѣхали по звѣздамъ. Въ то время жаль мнѣ ихъ: видитъ душа моя, что имъ побитымъ быть; и самъ таки на нихъ погибели молю, иные, приходя, прощаются ко мнѣ, а я имъ говорю: „погибнете тамъ". Какъ поѣхали, лошади подъ ними заржали вдругъ, и коровы тутъ взревѣли, и овцы, и козы заблеяли, и собаки взвыли, и сами иноземцы, что собаки завыли. Ужасъ на всѣхъ напалъ. Еремѣй вѣсть со слезами ко мнѣ прислалъ: „чтобы батюшка государь помолился за меня;" и мнѣ его стало жаль, а и другъ мой тайный былъ, и страдалъ за меня. Какъ меня кнутомъ отецъ его билъ, и сталъ разговаривать отцу, такъ онъ со шпагою погнался за нимъ. А какъ пріѣхали послѣ меня на другой порогъ на Падунъ, 40 дощениковъ всѣ прошли въ ворота и его Аѳанасіевъ дощеникъ—снасть добрая была, и казаки всѣ 600 промышляли о немъ, и не могли взвести: взяла силу вода, паче же рещи, Богъ наказалъ: стащило въ воду всѣхъ людей, а дощеникъ на камень бросило; вода чрезъ его льется, а въ него нейдетъ: чудо, какъ Богъ безумныхъ учитъ! Онъ самъ на

берегу, боярыня въ дощеникѣ, и Еремѣй сталъ говорить: „батюшко! за грѣхъ наказуетъ Богъ, напрасно протопопа того кнутомъ тѣмъ избилъ; пора покаяться, государь!" Онъ же рыкнулъ на него, яко звѣрь, и Еремѣй, къ соснѣ отклонясь, прижавъ руки, а самъ *Господи помилуй* говоритъ. Пашковъ же, ухватя у малаго калещатую пищаль, никогда не лжетъ, приложася на сына, курокъ спустилъ, и божіею волею осѣклася пищаль. Онъ же и въ третіе также сотворилъ, пищаль и въ третій осѣклася же; онъ ее на землю и бросилъ. Малой, поднявъ, на сторону спустилъ, такъ и выстрѣлила. А дощеникъ единаче на камени подъ водою лежитъ. Сѣлъ Пашковъ на стулъ, шпагою подперся, задумався и плакать сталъ, а самъ говоритъ: „согрѣшилъ, окаянный; пролилъ кровь неповинну, напрасно протопопа билъ, за то меня наказуетъ Богъ". Чудно, чудно по писанію, яко *косенъ Богъ во гнѣвъ, и скоръ на послушаніе*. Дощеникъ самъ, покаянія ради, сплылъ съ камени и сталъ носомъ противъ воды; потянули, и онъ взбѣжалъ на низкое мѣсто тотчасъ. Тогда Пашковъ призвалъ сына къ себѣ, промолвилъ ему: „прости Еремѣй: правду ты говоришь!" онъ, прискоча, поклонився отцу, и рече: „Богъ тебя, государь, проститъ; я предъ Богомъ и предъ тобою виноватъ". И взявъ отца подъ руку, и повелъ; гораздо Еремѣй разуменъ и добръ человѣкъ; ужъ у него и своя сѣда борода, а гораздо почитаетъ отца, и боится его. Да по писанію и надобѣ такъ: Богъ любитъ тѣхъ дѣтей, которые почитаютъ отцевъ. Виждь, слышателю: не страдалъ ли насъ ради Еремѣй, паче же ради креста и правды его? А мнѣ сказывалъ кормщикъ его Аѳанасьева дощеника, тутъ былъ, Григорій Тѣльной. (На первое возвратимся). — Отъ меня отошли, поѣхали на войну; жаль стало Еремѣя мнѣ; сталъ Владыкѣ докучать, чтобъ его пощадилъ. Ждали ихъ съ войны, не бывали на срокъ; а въ тѣ поры Пашковъ меня и къ себѣ не пускалъ. Во единъ отъ дней учредилъ застѣнокъ и огнь расклалъ, хочетъ меня пытать; я ко исходу душевному и молитвы проговорилъ; вѣдаю его стряпанье: после огня того мало у него живутъ; и самъ жду по себя и, сидя,

женѣ плачущей и дѣтямъ говорю: „Воля господня да будетъ! аще живемъ, Господеви живемъ; аще умираемъ, Господеви умираемъ“. А се и бѣгутъ по меня два палача. Чудно дѣло господне и неизрѣченны судьбы Владычни! Еремѣй раненъ, самъ-другъ дорожкою мимо избы и двора моего ѣдетъ и палачей вскликалъ и съ собою воротилъ; онъ Пашковъ, оставя застѣнокъ, къ сыну своему пришелъ, яко пьяной съ кручины. И Еремѣй, поклоняся съ отцемъ, вся ему подробну возвѣщаетъ: какъ войско у него побили все безъ остатку; и какъ его увелъ иноземецъ отъ мунгальскихъ людей по пустымъ мѣстамъ, и какъ по каменнымъ горамъ въ лѣсу, не ядше, блудился 7 дней, одну съѣлъ бѣлку; и какъ моимъ образомъ человѣкъ ему во снѣ явился и на путь выбрелъ. Егда онъ отцу разсказываетъ, а я пришелъ въ то время поклониться имъ. Пашковъ же, возведъ очи свои на меня,—слово въ слово медвѣдь морской бѣлой, жива бы меня проглотилъ, да Господь не выдастъ, — вздохня говоритъ: „такъ то ты дѣлаешь? людей тѣхъ погубилъ столько?“ А Еремѣй мнѣ говоритъ: „батюшко! поди, государь, домой молча, для Христа;“ я и пошелъ.

10-ть лѣтъ онъ меня мучилъ или я его, не знаю; Богъ разберетъ въ день вѣка. Перемѣна ему пришла, а мнѣ грамата: велѣно ѣхать на Русь. Онъ поѣхалъ, а меня не взялъ, умышлялъ въ умѣ своемъ: „хотя де и одинъ поѣдетъ, и его де убьютъ иноземцы“. Онъ въ дощеникахъ съ оружіемъ и людьми уплылъ, а слышалъ я, ѣдучи, отъ иноземцевъ; дрожали и боялись; а я мѣсяцъ спустя послѣ сего, набравъ старыхъ и больныхъ и раненыхъ, кои тамъ негодны, человѣкъ съ десятокъ, да я съ женою и дѣтьми, 17 насъ человѣкъ, въ лодку сѣдше, уповая на Христа и крестъ поставя на носу, поѣхали, аможе Богъ наставитъ, ничего не боятся. Книгу Кормчую далъ прикащику, и онъ мнѣ мужика кормщика далъ да друга моего Василія выкупилъ, который тамъ при Пашковѣ на людей ябедничалъ и крови проливалъ, и моея головы искалъ: въ иную пору, бивши меня, на колъ было посадилъ, да еще Богъ сохранилъ; а послѣ Пашкова хотѣли его казаки до смерти убить, и я выпросилъ у нихъ

Христа ради, а прикащику выкупъ далъ, на Русь его вывезъ отъ смерти къ животу; пускай его бѣднаго либо покаятися о грѣсѣхъ своихъ. Да и другаго такова же увезъ замотая; сего не хотѣли мнѣ выдать, и онъ ушелъ въ лѣсъ отъ смерти, и, дождався меня на пути, плачучи кинулся мнѣ въ корбасъ; ано за нимъ погоня, дѣть стало негдѣ. Я су, простите, своровалъ: яко Раавъ блудница во Іерихонѣ Ісуса Навина людей, спряталъ его, положа на дно въ суднѣ и постелю накинулъ и велѣлъ протопопицѣ и дочери лечь на него; вездѣ искали, а жены моей съ мѣста не тронули, лишь говорятъ: „матушка! опочивайте; итакъ ты государыня горя натерпѣлась". А я, простите, Бога ради,—лгалъ въ тѣ поры и сказывалъ: „нѣту его у меня",—не хотя его на смерть выдать. Поискавъ, пошли ни съ чѣмъ, и я его на Русь вывезъ. Старецъ да и рабъ христовъ! простите же меня, что я лгалъ тогда. Каково вамъ кажется, не велико ли мое согрѣшеніе? При Раавѣ блудницѣ она, кажется, также сдѣлала; да писаніе ее похваляетъ за то; и вы, Бога ради, поразсудите: буде грѣхотворно я учинилъ; и вы меня простите; а буде церковному преданію не противно, а то и такъ ладно. Вотъ вамъ и мѣсто оставилъ, припишите своею рукою мнѣ, и женѣ моей, и дочери или прощеніе или епитимію, понеже мы заодно воровали,—отъ смерти человѣка ухоронили, ища его покаянія къ Господу. Судите же такъ, чтобы насъ Христосъ не сталъ судить на страшномъ судѣ сего дѣла, припишите же что нибудь. (*Старецъ: „Богъ да проститъ тя и благословитъ въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ, и подружію твою Анастасію и дщерь вашу и весь домъ вашъ: добро сотворили есте и праведно Аминь".*) Добро, старецъ: спаси Богъ намилостынѣ; полно того.

Прикащикъ же мучки гривенокъ съ 30 далъ, да коровку, да овечекъ съ 5, 6, мясцо, изсуша и тѣмъ лѣто питалися, пловучи. Добрый прикащикъ человѣкъ, дочь у меня Ксенію крестилъ, еще при Пашковѣ родилась, да Пашковъ не далъ мнѣ мvра и масла, такъ некрещена долго была; послѣ его крестилъ, я самъ женѣ своей и молитву говорилъ и дѣтей крестилъ съ кумомъ съ при-

кащикомъ, да дочь моя большая кума, а я у нихъ попъ. Тѣмъ же образомъ и Аѳанасья сына крестилъ и, обѣдню на Мезени служа, причастилъ и дѣтей своихъ исповѣдывалъ и причащалъ самъ же, кромѣ жены своея; есть о томъ въ правилахъ: велѣно такъ дѣлать; а что запрещеніе, то отступническое, и то я о Христѣ подъ ноги кладу, и клятвою тою, дурно молвить, гузно тру; меня благословляютъ московскіе святители Петръ и Алексѣй, и Іона, и Филиппъ; я по ихъ книгамъ вѣрую Богу моему чистою совѣстію и служу, а отступниковъ отвращаюся и кляну: враги они божіи, не боюсь я ихъ, со Христомъ живучи; хотя на меня каменіе накладутъ, я со отеческимъ преданіемъ и подъ каменіемъ лежу, не только подъ шпыньскою, воровскою никоніанскою клятвою. Охъ! и что много говорить? плюнуть на дѣйство то и службу то ихъ, да и на книги тѣ ихъ новоизданныя, такъ и ладно будетъ! Станемъ говорить, какъ угодить Христу и пречистой Богородицѣ, а про воровство ихъ полно говорить. Простите, Никоніаны, что избранилъ васъ; живите, какъ хочете; стану опять первое горе говорить, какъ вы меня жалуете, подчиваете.

20 лѣтъ ужь прошло, еще бы хотя столько же Богъ пособилъ мучиться отъ васъ, ино бы и было съ меня о Господѣ Богѣ и Спасѣ нашемъ Іисусѣ, а за тѣмъ сколько Христосъ дастъ, только и жить. Полно того: и такъ далеко забрелъ; на первое возвратимся.

Поѣхалъ изъ Дауръ, стало пищи скудать и съ братіею Бога помолили, и Христосъ далъ намъ зубра, большаго звѣря, тѣмъ и до Байкалова доплыли. У моря русскихъ людей наѣхало, станица соболиная рыбу промышляетъ; рады миленькіе намъ и, съ корбасомъ насъ съ моря ухватя, далеко на гору несли. Терентьюшко съ товарищи плачутъ миленькіе, глядя на насъ, а мы на нихъ; надавали пищи, сколько намъ надобно,—осетровъ съ 40 свѣжихъ передъ меня привезли, а сами говорятъ: „Вотъ, батюшко, на твою часть Богъ въ запорѣ намъ далъ; возьми себѣ всю“. Я, поклонясь имъ, рыбу благословя, опять имъ велѣлъ взять: „на что мнѣ столько?“ Погостя у нихъ, изъ нужды запасцу взялъ; лодку починя и па-

русъ скропавъ, черезъ море пошли. Погода окинула на морѣ, и мы гребли перегреблись. Не больно въ томъ мѣстѣ широко, или со 180 верстъ. Егда къ берегу пристали, возстала буря вѣтренная, на берегу на силу и мѣсто обрѣли отъ волнъ; около его горы высокія: 20,000 верстъ и больше волочился, а не видалъ такихъ нигдѣ; на верху ихъ палатки и повалуши, врата и столпы, ограда каменна и дворы, все богодѣланно. Лукъ на немъ растетъ и чеснокъ больше романовскаго луковицы, и сладокъ зѣло; тамъ же растутъ и конопли богорасленныя, а во дворахъ травы красныя, и цвѣты благовонны гораздо, птицъ зѣло много—гусей, лебедей, по морю яко снѣгъ плаваютъ; рыба въ немъ: осетры и таймени, стерляди и омули, и сиги и прочихъ родовъ много; вода прѣсная, и нерпы и заиды великія въ немъ, въ океанѣ морѣ большомъ. Живучи на Мезени, такихъ не видалъ; а рыбы зѣло густо въ немъ, осетры и таймени жирны гораздо, нельзя жарить на сковородѣ; жиръ все будетъ. И все то у Христа того свѣта надѣлано для человѣкъ, чтобъ, упокояся, хвалу Богу воздавалъ; а человѣкъ, суетѣ который уподобится, дніе его яко сѣнь преходятъ: скачетъ, яко козелъ; раздувается, яко пузырь; гнѣвается, яко рысь; съѣсть хощетъ, яко змія; ржетъ, зря на чужую кресоту, яко жребя; лукавствуетъ, яко бѣсъ; насыщаяся довольно, безъ правила спитъ, Бога не молитъ; отлагаетъ покаяніе на старость и потомъ изчезаетъ; не вѣмъ, камо отходитъ,—или во свѣтъ или во тьму: день судный коегождо явитъ. Простите мя; азъ согрѣшихъ паче всѣхъ человѣкъ.

Таже въ русски грады приплылъ и уразумѣлъ о церкви, яко ничтоже успѣваетъ; но паче молва бываетъ. Опечалясь, сидя, разсуждаю: что сотворю? проповѣдую ли слово божіе, или скрыюся? Жена и дѣти связали меня. И видя меня печальна, протопоповица моя приступи ко мнѣ со опрятствомъ и рече ми: „Что, господине, опечалился еси?“ Азъ же подробну извѣстихъ: „Жена! что сотворю? зима еретическая на дворѣ; говорить ли мнѣ или молчать? связали вы меня!“ Она же мнѣ говоритъ: „Господи помилуй! Что ты, Петровичь,

говоришь? Слыхала я, ты же читалъ апостольскую рѣчь: „*привязался ли женѣ не ищи разрѣшенія егда отрѣшившися, тогда не ищи и жены*“; азъ тя и съ дѣтьми благословляю, дерзай проповѣдати слово божіе по прежнему, а о насъ не тужи, дондеже Богъ изволитъ; тогда насъ въ молитвахъ своихъ не забывай; силенъ Христосъ и насъ не покинуть. Поди, поди въ церковь, Петровичь! обличай блудню еретическую!“ Я су ей за то челомъ и, отрясши отъ себѣ печальную слѣпоту, началъ по прежнему слово божіе проповѣдати и учити по градомъ и вездѣ, еще же и ересь никоновскую со дерзновеніемъ обличалъ.

Въ Енисейскѣ зимовалъ и паки, лѣто плывши, въ Тобольскѣ зимовалъ и, до Москвы ѣдучи, по всѣмъ городамъ и по селамъ, въ церквахъ и на торгахъ, кричалъ, проповѣдуя слово божіе, и уча и обличая безбожную лесть. Таже пріѣхалъ къ Москвѣ. Три годы ѣхали изъ Дауръ, и туда волокся пять лѣтъ противъ воды; на востокъ все везли, промежду иноземскихъ ордъ и жилищь; много про то говорить.—Бывалъ и въ иноземскихъ рукахъ: на Оби, великой рѣкѣ, предо мною 20 человѣкъ погубили христіанъ; а надо мною думавъ, да и отпустили совсѣмъ. Паки на Иртышѣ рѣкѣ собраніе ихъ стоитъ: ждутъ березовскихъ нашихъ съ дощеникомъ и погубить; а я, не вѣдаючи, и пріѣхалъ къ нимъ; и пріѣхавъ, къ берегу присталъ. Они съ луками и обскочили насъ, и я су, вышедъ обниматься съ ними, что съ черндами, а самъ говорю: „Христосъ со мною и съ вами той же!“ И они до меня добры стали и жены своя къ моей женѣ привели; жена моя такъ же съ ними лицемѣрится, какъ въ мірѣ лесть совершается; и бабы удобрилися, и мы то уже знаемъ: какъ бабы бываютъ добры, такъ и все о Христѣ бываетъ добро. Спрятали мужики луки и стрѣлы своя; медвѣдей я у нихъ накупилъ да и отпустили меня. Пріѣхалъ въ Тобольскъ, сказываю: ино люди дивятся тому, понеже всю Сибирь Башкирцы съ Татарами воевали тогда. И я, уповая на Христа, ѣхалъ посредѣ ихъ. Пріѣхавъ въ Верхотурье, Иванъ Богдановичь Камынинъ, другъ мой, дивится же мнѣ: „какъ ты, протопопъ, про-

ѣхалъ?“ И я говорю: „Христосъ меня пронесъ и Пречистая Богородица провела; я не боюсь никого, только Христа боюсь“.

Таже къ Москвѣ пріѣхалъ и, яко ангела божія пріяша мя, Государь и бояра всѣ мнѣ рады. Къ Ѳеодору Ртищеву зашелъ; онъ самъ изъ палатки выходилъ ко мнѣ, благословился отъ меня и учалъ говорить много: три дни и три нощи домой меня не отпускалъ и потомъ царю обо мнѣ извѣстилъ. Государь меня тотчасъ къ рукѣ поставить велѣлъ и слова милостивыя говорилъ: „здорово ли де, протопопъ, живешь? еще де видѣться Богъ велѣлъ“. И я супротивъ руку его поцѣловалъ и пожалъ, а самъ говорю: „Живъ Господь, жива и душа моя, царь государь! а впредь, что повелитъ Богъ“. Онъ же миленькой вздохнулъ да и пошелъ, куда надобѣ ему; и иное кое что было, да что много говорить? прошло уже то. Велѣлъ меня поставить на монастырскомъ подворьѣ въ Кремлѣ и, въ походы мимо моего двора ходя, кланялся часто со мною, низенько таки, а самъ говоритъ: „благослови де меня и помолися о мнѣ“; и шапку въ иную пору мурманку снимаючи, съ головы уронилъ, ѣдучи верхомъ. Изъ кареты бывало высунется ко мнѣ, тоже и вси бояра послѣ его челомъ да челомъ: „Протопопъ! благослови и молися о насъ“. Какъ су мнѣ царя того и бояръ тѣхъ не жалѣть? Жаль о су видѣть каковы были добры, давали мнѣ мѣсто, гдѣ бы я захотѣлъ; и въ духовники звали, чтобъ я съ нимъ соединился въ вѣрѣ. Азъ же, вся сія яко уметы вмѣнихъ, да Христа пріобрящу, и смерть поминая, яко вся сія мимо идетъ. И се мнѣ въ Тобольскѣ въ тонцѣ снѣ возвѣщено: „блюдися отъ мене, да не полма разтесанъ будеши“. Я вскочилъ и палъ предъ иконою въ ужасѣ велицѣ, а самъ говорю: „Господи! не стану ходить, гдѣ по новому поютъ, Боже мой!“ Былъ я у заутрени въ соборной церкви на царевнины именины, шаловалъ съ ними въ церкви той при воеводахъ да съ пріѣзду смотрилъ у нихъ просфиромисанія дважды или трижды, въ алтарѣ у жертвенника стоя, а самъ имъ ругался; а какъ привыкъ ходить, такъ и ругаться не сталъ, что жаломъ духомъ антихристо-

вымъ и ужалило было. Такъ меня Христосъ свѣтъ попужалъ и речи ми: „По толикомъ страданіи погибнуть хощещи? блюдися, да не полма разсѣку тя“. Я ко обѣдни не пошелъ, а обѣдать ко князю пришелъ и вся подробну имъ возвѣстилъ. Бояринъ, миленькой, князь Иванъ Андреевичь Хилковъ, плакать сталъ. И мнѣ, окаянному, много столько божія благодѣянія забыть! Егда въ Дaурахъ я былъ на рыбномъ промыслѣ, къ дѣтямъ пойду зимою, по озеру бѣжалъ на базлукахъ (тамъ снѣгу не живетъ, морозы велики живутъ и льды толсты намерзаютъ, близко человѣка толщины);—пить мнѣ захотѣлось, и гораздо отъ жажды томимъ,—идти не могу, среди озера стало, воды добыть нельзя: озеро верстъ восемь,—сталъ, на небо взирая, говорить: „Господи, источивый изъ камени воду въ пустынѣ людемъ, жаждущему Израилю,—тогда и днесь Ты еси! напой мене, имиже вѣси судьбами; Владыко Боже мой!“ Охъ горе! не знаю, какъ молвить; простите, Господа ради: кто есмь азъ, умерый песъ? Затрещалъ ледъ предо мною и разступился чрезъ все озеро сюду и сюду, и паки снидеся гора велика льду стала и, дондеже уряженіе бысть, азъ стахъ на обычномъ мѣстѣ и, на востокъ зря, поклонихся дважды или трижды, призывая имя господне краткими глаголы изъ глубины сердца. Оставилъ мнѣ Богъ прорубку маленьку и я, падше, насытился; и плачу и радуюся, благодаря Бога; потомъ и прорубка содвигнулася, и я, воставъ, поклоняся Господеви, паки побѣжалъ по льду, куда мнѣ надобѣ—къ дѣтямъ. Да и въ прочіи времена въ волокитѣ моей такъ часто у меня бывало. Идучи или нарту волоку, или рыбу промышляю, или въ лѣсу дрова сѣку, или ино что творю, и самъ правило въ тѣ поры говорю, вечерню и заутреню или часы,—что прилучится: — а буде въ людехъ бываетъ неизворотно и станемъ на стану, а не по мнѣ товарищи, правила моего не любятъ, и, идучи, мнѣ нельзя было исполнить: и я, отступя людей, подъ гору или въ лѣсъ, коротенько сдѣлаю; побьюся головою о землю, а иное и заплачется да такъ и обѣдаю. А буде же по мнѣ люди, и я на сошкѣ складеньки поставлю, правильца проговорю, иные

со мною молятся, а иные кашку варятъ; и въ саняхъ ѣдучи, въ воскресные дни, на подворьяхъ всю церковную службу пою; и въ рядовые дни, въ саняхъ ѣдучи, пою; а бывало и въ воскресные дни, ѣдучи, пою. Егда гораздо неизворотно, и я хотя немножко а таки поворчу; якоже тѣло алчуще желаетъ ясти и жаждуще желаетъ пити: тако и душа, отче мой Епифаніе, брашна духовнаго желаетъ: не гладъ хлѣба, ни жажда воды погубляетъ человѣка, но гладъ велій человѣку, еже, Богу не моляся, жити.

Бывало, отче, въ Даурской землѣ,—аще не соскучите послушать съ рабомъ тѣмъ христовымъ, азъ грѣшный и то возвѣщу вамъ,—отъ немощи и отъ глада великаго изнемогъ въ правилѣ своемъ; всего мало стало, токмо повечерные псалмы, да полунощницу, да часъ первый, а больше того ничего стало; такъ, что скотинка, волочусь; о правилѣ томъ тужу, а принять его не могу, а се уже и ослабѣлъ. И нѣкогда ходилъ въ лѣсъ по дрова и безъ меня жена моя и дѣти, сидя на землѣ у огня, дочь съ матерію обѣ плачутъ; Аграфена, бѣдная моя горемыка, была еще не велика тогда. Я пришелъ изъ лѣсу; зѣло ребенокъ рыдаетъ; связавшусу языку его, ничего не промолвить, мычитъ къ матери, сидя; мать, на нее глядя, плачетъ; и я отдохнулъ и, съ молитвою приступивъ къ робяти, реклъ: „О имени господни повелѣваю ти,—говори со мною, о чемъ плачешь!“ Она же, вскоча и поклоняся, ясно заговорила: „Не знаю кто, батюшко государь, во мнѣ сидя, свѣтленекъ, за языкъ-отъ держалъ меня и съ матушкою не далъ говорить; я того для плакала, а мнѣ онъ говоритъ: „скажи отцу, чтобы онъ правило по прежнему правилъ, такъ на Русь всѣ опять выѣдете; а буде правила не станетъ править, о немъ же онъ и самъ промышляетъ, то здѣсь всѣ умрете и онъ съ вами же умретъ“. Да иное кое что въ тѣ поры ей сказано было, какъ указъ по насъ будетъ, и сколько друзей первыхъ на Руси наѣдемъ: все такъ и сбылося. Мнѣ Пашкову... говорить, чтобъ и онъ вечерни и заутрени пѣлъ, такъ Богъ ведро дастъ и хлѣбъ родится, а то были дожди безпрестанно, ячменцу было

сѣяно небольшое мѣсто за день или за два до Петрова дня, тотъ часъ выросъ, да и сгнилъ было отъ дождевъ. Я ему про вечерни и заутрени сказалъ, онъ и сталъ такъ дѣлать; Богъ ведро далъ и хлѣбъ тотъ часъ поспѣлъ. Чудо таки! Сѣянъ поздно, а поспѣлъ рано! Да и паки бѣдный коварничать сталъ о божіемъ дѣлѣ: на другой годъ посѣялъ было много, да дождь необыченъ изліяся и вода изъ рѣки выступила и потопила ниву, да и все размыла, и жилища наша размыла; а до того николи вода тутъ не бывала, а иноземцы дивятся. Виждь: какъ поруга дѣло божіе и пошелъ страною, такъ и Богъ къ нему страннымъ гнѣвомъ сталъ смѣяться первому тому извѣщенію.—Напослѣдокъ ребенокъ-де ѣсть захотѣлъ и такъ-плакалъ, и я су съ тѣхъ мѣстъ за правило схватился да и по ся мѣстъ тянусь по маленьку. Полно о томъ бесѣдовать, на первое возвратимся. Намъ надобы вся сія помнить и не забывать, всякое дѣло божіе не класть въ небреженіе и просто, и не мѣнять на прелесть сего суетнаго вѣка.

Паки реку московское дѣло. Видятъ они, что я не соединяюся съ ними; приказалъ Государь уговаривать меня Родіону Стрѣшневу, чтобы я молчалъ. И я потѣшилъ его: Царь то есть, отъ Бога учиненъ и добренекъ до мене. Чаялъ либо по маленьку и справиться, а се посулили мнѣ Симеонова дни сѣсть на печатномъ дворѣ, книги править и я радъ сильно: мнѣ то надобно лучше и духовничества. Пожаловалъ, ко мнѣ прислалъ 10 рублевъ денегъ, царица 10 рублевъ денегъ, Лука, духовникъ, 10 рублевъ же, Родіонъ Стрѣшневъ 10 рублевъ же, а дружище наше старое Ѳедоръ Ртищевъ тотъ и 60 рублевъ казначею своему велѣлъ въ шапку мнѣ сунуть, а про иныхъ нечего и сказывать! Всякъ тащитъ да несетъ всячиною. У свѣта моей, Ѳедосьи Прокофьевны Морозовы не выходя жилъ во дворѣ, понеже дочь мнѣ духовная; и сестра ея, княгиня Ѵудокія Прокофьевна, дочь же моя. Свѣты мои, мученицы христовы! И у Анны Петровны Милославскія покойницы всегда же въ дому былъ; и къ Ѳедору Ртищеву браниться съ отступниками ходилъ, да такъ то съ

полгода жилъ. Да вижу, яко церковное ничто же успѣваетъ, но паче молва бываетъ,—паки заворчалъ, написалъ царю многонько таки, чтобъ онъ старое благочестіе взыскалъ и мати нашу общую, святую церковь, отъ ереси оборонилъ и на престолъ бы патріаршескій пастыря православнаго учинилъ вмѣсто волка и отступника, Никона, злодѣя и еретика. И егда письмо изготовилъ, занемоглось мнѣ гораздо; и я выслалъ царю на переѣздъ съ сыномъ своимъ духовнымъ, съ Ѳеодоромъ Юродивымъ,—что послѣ отступники удавили—его Ѳеодора—на Мезени, повѣся его на висѣлицу.—Онъ же съ письмомъ приступилъ къ царевѣ каретѣ со дерзновеніемъ, и царь велѣлъ его посадить и съ письмомъ подъ красное крыльцо: не вѣдалъ, что мое. А опослѣ, взявши у него письмо, велѣлъ его отпустить; и онъ покойникъ, побывавъ у меня, паки, въ церковь предъ царя пришедъ, учалъ юродствомъ шаловать. Царь же, осердясь, велѣлъ въ Чудовъ монастырь отслать. Тамъ Павелъ архимандритъ и желѣза на него положилъ, и божіею волею желѣза распалися на ногахъ предъ людьми; онъ же, покойникъ свѣтъ, въ хлѣбнѣ той послѣ хлѣбовъ въ жаркую печь влѣзъ и голымъ гузномъ сѣлъ на подъ, и крошки въ печи собираючи, ястъ: такъ чернцы ужаснулися и архимандриту сказали, что нынѣ Павелъ митрополитъ. Онъ же и царю возвѣстилъ, и царь пришедъ въ монастырь, честно велѣлъ его отпустить. Онъ же паки ко мнѣ пришедъ и съ тѣхъ мѣстъ царь на меня кручиновать сталъ; не любо стало, какъ опять сталъ я говорить; любо имъ, какъ молчу, да мнѣ такъ не сошлось. И власти яко козлы пырскать стали на меня и умыслили паки сослать меня съ Москвы, понеже ради Христа многіе приходили ко мнѣ и, уразумѣвше истину, не стали къ прелестной службѣ ихъ ходить. И мнѣ отъ царя выговоръ былъ: „власти-де на тебя жалуются, церкви-де ты запустошилъ: поѣдь-де въ ссылку опять"— сказывалъ бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ. Да и повезли на Мезень; надавали было кое что во имя христово люди добрые много, да и все осталося тутъ; токмо съ женою и съ дѣтьми и съ домочадцы повезли.

По городамъ паки людей божіихъ училъ и ихъ, пестрообразныхъ звѣрей, обличалъ. И привезли на Мезень. Полтора года державъ, паки одного къ Москвѣ взяли, да два сына со мною—Иванъ да Прокопій,—съѣхали же, а протопопица и прочія на Мезени осталися всѣ. А привезши къ Москвѣ, отвезли подъ началъ въ Пафнутьевъ монастырь; и туда присылка была, тоже да тоже говорятъ: „долго ли тебѣ мучить насъ? соединись съ нами, Аввакумушко!“ Я отрицался, что отъ бѣсовъ, а они лѣзутъ въ глаза; сказку имъ тутъ съ бранью большою написалъ и послалъ съ діакономъ ярославскимъ съ Косьмою и съ подъячимъ двора патріарша. Козма той,—не знаю, коего духа человѣкъ,—въ явѣ уговариваетъ, а втай подкрѣпляетъ меня, сице говоря: „Протопопъ! не отступай ты стараго того благочестія; великъ ты будешь у Христа человѣкъ, какъ до конца претерпишь; не гляди на насъ, что погибаемъ мы“. И я ему говорилъ сопротивъ, чтобъ онъ паки приступилъ ко Христу; и онъ говорилъ: „нельзя! Никонъ опуталъ меня“; просто молвить, отрекся предъ Никономъ Христа, также уже бѣдной не можетъ встать. Я заплакалъ, благословилъ его горюна, больше того мнѣ нечего съ нимъ дѣлать; вѣдаетъ то Богъ, что будетъ ему.

Таже, проживъ 10 недѣль въ Пафнутьевѣ на печи, взяли меня паки на Москву и въ крестовой стяжашася власти со мною: ввели меня въ соборный храмъ и стригли по переносѣ меня и діакона Өеодора, потомъ опроклинали, а я ихъ проклиналъ сопротивъ: зѣло было ми тяжко въ обѣдню ту. И, подержавъ на патріарховѣ дворѣ, повезли насъ ночью на Угрѣшу къ Николѣ въ монастырь, и бороду враги божіи отрѣзали у меня; чему быть? волки то есть, не жалѣютъ овецъ: оборвали, что собаки, одинъ хохолъ оставили, что у поляка на лбу. Везли не дорогою въ монастырь, болотами да грязью, чтобъ люди не вѣдали: сами видятъ, что дуруютъ, а отстать отъ дурна не хотятъ; омрачилъ діаволъ: что на нихъ и пенять? Не имъ было, а быть же было инымъ; писанное время пришло, по Евангелію: *Нужда соблазномъ пріити*, а другой глаголетъ Евангелистъ: *Невоз-*

можно соблазномъ не пріити; но горе тому, имъ же приходитъ соблазнъ. Виждь, слышателю: необходимая наша бѣда, невозможно миновать! Сего ради соблазны попущаетъ Богъ, даже избранніи будутъ, даже разжегутся, даже убѣлятся, даже искусніи явлени будутъ въ васъ. Выпросилъ у Бога свѣтлую Россію сатана, да очервленитъ ю кровію мученическою. Добро ты, діаволъ, выдумалъ, и намъ то любо, Христа ради, нашего свѣта, пострадать.

Держали меня у Николы въ студеной палаткѣ 17 недѣль. Тутъ мнѣ божіе присѣщеніе бысть; чти въ царевѣ посланіи, тамо обрящеши. И царь приходилъ въ монастырь, около темницы моея походилъ и, постонавъ, опять пошелъ изъ монастыря; кажется потому, и жаль ему меня, да что воля божія такъ лежитъ. Какъ стригли, въ то время великое нестроеніе вверху у нихъ бысть съ царицею съ покойницею: она за насъ стояла въ то время, миленькая, и отъ казни отпросила меня, о томъ много говорить; Богъ ихъ проститъ! Я своего мученія на нихъ не спрашиваю ни въ будущій вѣкъ, молитися мнѣ подобаетъ о нихъ о живыхъ и о преставлшихся; діаволъ между нами разсѣченіе положилъ, а они всегда добры до меня. Полно того.

И Воротынской бѣдной князь Иванъ тутъ же безъ царя молиться пріѣзжалъ, и ко мнѣ просился въ темницу, ино не пустили горюна; я лишь въ окно глядя, поплакалъ на него; миленькой мой, боится Бога, сиротинка христова: не покинетъ его Христосъ. Всегда таки онъ христовъ да нашъ человѣкъ и всѣ бояра те до насъ добры, одинъ діаволъ лихъ, что вѣдь сдѣлаешь, коли Христосъ попустилъ? Князя Ивана, миленькаго, Хованскаго и батожьемъ били, какъ Исаію сожгли, а боярыню ту Ѳедосью Морозову и совсѣмъ разорили, и сына у нея уморили, и ея мучатъ, и сестру ея Евдокію, бивше батогами, и отъ дѣтей отлучили, и съ мужемъ развели, и его князя Петра Урусова на другой-де женили; да что вѣдь дѣлать? Пускай ихъ, миленькихъ, мучатъ; не-

беснаго жениха достигнутъ; всяко то Богъ препроводитъ вѣкъ сей суетный и присвоитъ къ себѣ женихъ въ небесный чертогъ свой, праведное солнце, свѣтъ, упованіе наше! Паки на первое возвратимся.

По семъ свезли меня паки въ монастырь Пафнутьевъ и тамъ, заперши въ темную палатку, скованна, держали годъ безъ мала. Тутъ келарь Никодимъ сперва добръ до меня былъ, а я бѣдной больше тогоже табаку испилъ, что у Газскаго митрополита вынули напослѣдокъ 60 пудовъ, да домру да иныя тайныя монастырскія вещи, что пограбивше творятъ; согрѣшилъ, простите, не мое то дѣло, то вѣдаетъ онъ, своему владыкѣ стоитъ или падаетъ. Къ слову молвилось то. У нихъ были любимые законоучители. У сего келаря Никодима попросился я на великъ день для праздника отдохнуть, чтобъ велѣлъ, дверей отворя, на порогѣ посидѣть; и онъ меня наругалъ и отказалъ жестоко, какъ ему захотѣлось. И потомъ въ келію пришедъ, разболѣлся, масломъ соборовали и причащали, и тогда сегда вздохнетъ. То было въ понедѣльникъ свѣтлой и противъ въ нощи вторника пріиде къ нему мужъ во образѣ моемъ, съ кадиломъ въ ризахъ свѣтлыхъ и, покадивъ его и за руку взявъ, воздвигнулъ и бысть здравъ. И притече ко мнѣ съ келейникомъ ночью въ темницу. Идучи, говоритъ: „Блаженна обитель: таковыя имѣетъ темницы! блаженна темница: таковыхъ имѣетъ страдальцевъ! блаженны и узы!“ И палъ предо мною, ухватился за чепь и говоритъ: „прости, Господа ради; прости, согрѣшилъ, предъ Богомъ и предъ тобою: оскорбилъ тебя и за сіе наказа мя Богъ“. И я говорю: „Какъ наказалъ? повѣждь ми“. И онъ паки: „И ты де самъ, приходя и покадя меня, пожаловалъ и поднялъ, что де запираешься“. А келейникъ, тутъ же стоя, говоритъ: „Я батюшко, государь, тебя подъ руку вывелъ изъ кельи да и поклонился тебѣ; ты и пошелъ сюда“. А я ему заказалъ, чтобъ людямъ не сказывалъ о тайнѣ сей. Онъ же со мною спрашивался, какъ ему жить впредь по Христѣ: или де мнѣ велишь въ пустыню идти? Азъ же его, понаказавъ и не велѣлъ ему келарства покидать, токмо бы хотя втай держалъ старое преданіе

отеческое. Онъ же, поклоняся, отъидѣ къ себѣ и на утро за трапезою всей братіи сказалъ. Людіе же безпрестанно и дерзновенно ко мнѣ побрели, просяще благословенія и молитвы отъ меня; а я ихъ учу отъ писанія и пользую словомъ божіимъ; въ тѣ времена и врази кои были, и тѣ примирилися тутъ. Увы! коли оставлю суетный сей вѣкъ? Писано: *„Горе ему же рекутъ добро вси человѣцы“*; воистину не знаю, какъ до краю доживать: добрыхъ дѣлъ нѣтъ, а прославилъ Богъ; то вѣдаетъ Онъ, воля Его.

Тутъ же пріѣзжалъ ко мнѣ втай съ дѣтьми своими Ѳеодоръ покойникъ удавленой мой, и спрашивался со мною: „какъ де прикажешь мнѣ ходить въ рубашкѣ ли по старому, или въ платье облещися? Еретики де ищутъ, погубить меня хотятъ. Былъ-де я на Рязани подъ началомъ у архіепископа на дворѣ и зѣло де онъ, Иларіонъ, мучилъ меня: рѣдкой день коль плетьми не бьетъ, и скована въ желѣзахъ держалъ, принуждая къ новому антихристову таинству; и де уже изнемогъ, въ нощи моляся, плачу, говорю: „Господи! аще не избавишь мя, осквернятъ меня и погибну; что тогда мнѣ сотворить!“ и много плачучи говорилъ; а и де вдругъ, батюшко, желѣза всѣ грянули съ меня, и дверь отперлась и отворилась сама. Я де, Богу поклонясь, да и пошелъ; къ воротамъ пришелъ, и ворота отворены; я де по большой дорогѣ къ Москвѣ напрямикъ; егда де разсвѣтало, ино погоня на лошадяхъ, трое человѣкъ мимо меня пробѣжали, не увидѣли меня, я де надѣюсь на Христа, бреду-таки впередъ; по малѣ де они ѣдутъ навстрѣчу ко мнѣ, лаютъ меня: „ушелъ-де блядинъ сынъ, гдѣ его возьмешь?“ Да и опять-де проѣхали, не видали меня. И я де нынѣ къ тебѣ спроситься прибрелъ, туда ли мнѣ опять мучиться пойти или, платье вздѣвъ, жить на Москвѣ“? И я ему, грѣшной, велѣлъ вздѣть платье и однако не ухоронилъ отъ еретическихъ рукъ,—удавили на Мезени, повѣся на висѣлицу. Вѣчная ему память и съ Лукою Лаврентьевичемъ! Дѣтушки миленькіе мои! пострадали за Христа: слава Богу о нихъ! Зѣло у Ѳеодора того крѣпокъ подвигъ былъ; въ день юродствуетъ,

а нощь всю на молитвѣ со слезами; много добрыхъ людей знаю, а не видалъ подвижника. Пожилъ у меня съ полгода на Москвѣ, а мнѣ еще не моглося,—въ задней комнатѣ двое насъ съ нимъ: и много часъ другой полежитъ да и встанетъ, тысячу поклоновъ отбросаетъ, да сядетъ на полу; а иное стоя, часа съ три плачетъ, а я таки лежу, иное, сплю, а иное неможется; егда ужъ наплачется гораздо, тогда ко мнѣ приступитъ: „долго ли тебѣ, протопопъ, лежать того? образумься, вѣдь ты попъ: какъ сорома нѣтъ?“ И мнѣ не можется, такъ меня подымаетъ, говоря: „встань, миленькой, батюшко“! Ну таки вытащитъ какъ нибудь меня; сидя, мнѣ молитвы велитъ говорить, а онъ за меня поклоны кладетъ: то-то другъ мой сердечный былъ! Скорбенъ миленькой былъ съ перетуги великія: черевъ изъ него вышло въ одну пору три аршина, а въ другую пору пять аршинъ, а кишки перемѣряетъ: и смѣхъ съ нимъ и горе! На Устюгѣ 5 лѣтъ безпрестанно мерзъ на морозѣ босъ, въ одной рубашкѣ,—я самъ сему самовидецъ. Тутъ мнѣ учинился сынъ духовной: какъ я изъ Сибири ѣхалъ, у церкви въ палатку прибѣгалъ, молитвы ради; сказывалъ: „какъ де отъ мороза въ теплѣ томъ станешь, батюшко, отходить, зѣло-де въ тѣ поры тяжко бываетъ; по кирпичью тому ногами тѣми стукаетъ, что каганьемъ, а на утро опять не болятъ“. Псалтырь у него тогда была новыхъ печатей въ кельѣ, маленько еще зналъ о новизнахъ. И я ему подробно разсказалъ про новыя книги; онъ же, схвативъ книгу, тотъ часъ въ печь кинулъ, да и проклялъ всю новизну: зѣло у него во Христа вѣра горяча была. Да что много говорить? какъ началъ, такъ и кончилъ; не на басняхъ проходилъ подвигъ, не какъ я, окаянный, того ради и скончался боголѣпнѣ.

Хорошъ былъ и Афанасьюшко, сынъ же мнѣ духовный, во иноцѣхъ Авраамій, что отступники на Москвѣ въ огнѣ испекли, и яко хлѣбъ сладокъ принесеся святѣй Троицѣ. До иночества бродилъ босикомъ же, въ одной рубашкѣ и зиму и лѣто, только сей Ѳеодоръ посмирнѣе и въ подвигѣ маленько покороче. Плакать зѣло же былъ охотникъ: и ходитъ и плачетъ, и съ кѣмъ

молвитъ, у него слово тихо и сладко, яко плачетъ. Ѳеодоръ же ревнивъ гораздо былъ и зѣло о дѣлѣ божіи болѣзненъ: всяко тщится разорити и обличити неправду; да пускай ихъ! Какъ жили, такъ скончалися о Христѣ Ісусѣ Господѣ нашемъ. Еще вамъ побесѣдую о своей волокитнѣ. Какъ привезли меня изъ монастыря Пафнутьева къ Москвѣ и поставили на подворьѣ, и волоча многажды въ Чудовъ, поставили предъ вселенскихъ патріарховъ и наши всѣ тутъ же, что лисы, сидѣли; отъ писанія съ патріархомъ говорилъ много, Богъ отверзъ грѣшныя мои уста и посрамилъ ихъ Христосъ. Послѣднее слово ко мнѣ рекли: „что де ты упрямъ; вся де наша Палестина, и Серби, и Албансы, и Волохи, и Римляне, и Ляхи, всѣ де тремя персты крестятся; одинъ де ты стоишь на своемъ упорствѣ и крестишься двѣма персты; такъ не подобаетъ“. И я имъ о Христѣ отвѣщалъ сице: „Вселенстіи учителіе! Римъ давно упалъ и лежитъ невосклонно и Ляхи съ нимъ же погибли, до конца враги быша христіаномъ; и у васъ православіе пестро; отъ насилія Турскаго Магмета, немощни есте стали; и впредь пріѣзжайте къ намъ учиться; у насъ божіею благодатію самодержство, до Никона, отступника въ нашей Россіи, у благочестивыхъ князей и царей все было православіе чисто и непорочно, и церковь немятежна. Никонъ волкъ съ діаволомъ предали тремя персты креститься, а первые наши пастыри, яко же сами двумя персты крестились и благословляли по преданію святыхъ отецъ нашихъ Мелетія: Антіохійскаго, Ѳеодорита, блаженнаго епископа Кипрскаго, Петра Дамаскина и Максима Грека; еще же и московскій помѣстный бывый соборъ при царѣ Иванѣ, такъ же слагая персты, креститися и благословляти повелѣваетъ, яко же прежніи святіи отцы Мелетій и прочіи научиша. Тогда при царѣ Иванѣ быша знаменосцы Гуріе и Варсанофіе, казанскіе чудотворцы, и Филиппъ, соловецкій игуменъ, отъ святыхъ русскихъ“.— И патріархи задумалися и наши, что волченки, завыли, облевать стали на отцевъ своихъ, говоря: „глупы де были и не смыслили наши русскіе святые; неученые де люди были: чему имъ вѣрить? они де грамотѣ не умѣли“!

О Боже святый! како претерпѣ святыхъ своихъ толикая досажденія? мнѣ бѣдному горько, а дѣлать нечего стало: побранилъ ихъ, сколько могъ, и послѣднее слово рекъ: „Чистъ есмь азъ и прахъ, прилѣпшій отъ ногъ своихъ, отрясаю предъ вами, по писанному: *лучше единъ, творяй волю божію, нежели тьмы беззаконныхъ*“. Такъ на меня и пуще закричали: „возьми, возьми его: всѣхъ насъ обезчестилъ“; да толкать и бить меня стали. И патріархи сами на меня бросились, человѣкъ съ 40 ихъ, чаю, было, — велико антихристово войско собралося. Ухватилъ меня Иванъ Уваровъ, да потащилъ, и я закричалъ: „Постойте, не бейте“! Такъ они всѣ отскочили и я толмачу архимандриту говорить сталъ: „Говори патріархомъ: Апостолъ Павелъ пишетъ: *таковъ намъ подобаше архіерей преподобенъ, незлобивъ и пр.,* а вы, убивше человѣка, какъ литоргисать станете“? Такъ они сѣли; я отшелъ ко дверямъ да на бокъ повалился: „посидите вы, а я полежу“—говорю имъ. Такъ они смѣются: „дуракъ де протопопъ и патріарховъ не почитаетъ“; а я говорю: „мы уроди Христа ради; вы славни, мы же безчестни; вы сильны, мы же немощны“. Потомъ паки пришли ко мнѣ власти и про аллилуіа стали говорить со мною, и мнѣ Христосъ подалъ, посрамилъ въ нихъ римскую ту блядь Діонисіемъ Ареопагитомъ, какъ выше сего въ началѣ речено. И Еѵфимій, чудовской келарь, молвилъ: „Правъ де ты, нечего де намъ больше того говорить съ тобою“, да и повели меня на чепь; потомъ полуголову царь прислалъ со стрѣльцами и повели меня на Воробьевы горы.

Тутъ же священникъ Лазарь и инокъ Епифаній старецъ: острижены и обруганы, что мужички деревенскіе, миленькіе! умному человѣку поглядѣть, да лишь заплакать, на нихъ глядя; да пускай они терпятъ! что о нихъ тужить! Христосъ и лучше ихъ былъ, да тоже ему, свѣту нашему, было отъ прадѣдковъ ихъ, отъ Анны и Каіафы; а нынѣшнихъ и дивить нечего: съ образца дѣлаютъ; потужить надобно о нихъ бѣдныхъ! Увы! бѣдные, Никоніане! погибнете отъ своего злаго и непокориваго нрава!..

Потомъ съ Воробьевыхъ горъ перевели насъ на Андреевское подворье, таже въ Савину слободку; что за разбойниками срѣльцовъ войско за нами ходитъ и срать провожаютъ; и смѣхъ и горе, какъ-то омрачилъ діаволъ!

Таже къ Николѣ на Угрѣшу; тутъ государь присылалъ ко мнѣ голову Юрья Лутохина, благословенія ради, и кое о чемъ много говорили. Таже опять ввезли насъ въ Москву, на Никольское подворье и взяли у насъ о правовѣріи еще сказки; потомъ ко мнѣ комнатные люди многажды присыланы были, Артемонъ и Дементій,—и говорили мнѣ царевымъ глаголомъ: „Протопопъ! вѣдаю де я твое чистое и непорочное и богоподражательное житіе; прошу де твоего благословенія и съ царицею и съ чады: помолися о насъ:“—кланяючися, посланникъ говоритъ и по немъ всегда плачу, жаль мнѣ сильно его. И паки онъ же: „пожалуй де, послушай меня; соединись со вселенскими тѣми, хотя не большимъ чѣмъ“. И я говорю: „аще и умрети ми Богъ изволитъ, со отступниками не соединюся. Ты,—реку,—мой царь, а имъ до тебя какое дѣло? своего,—реку,—царя потеряли, и тебя проглотить сюды приволоклися. Я,—реку,—не сведу съ высоты небесныя, дондеже Богъ тебя отдастъ мнѣ“. И много тѣхъ присылокъ было кое о чемъ говорено; послѣднее слово рекъ: „гдѣ де ты не будешь, не забывай насъ въ молитвахъ своихъ“. Я и нынѣ грѣшный, елико могу, Богу молю о немъ. Таже, братію казня, а меня не казня, сослали въ Пустозерье. И я изъ Пустозерья послалъ къ царю два посланія, первое невелико, а другое больше; кое о чемъ говорилъ, сказалъ ему въ посланіи и богознаменія нѣкая, показанная мнѣ въ темницахъ; тамо чтый да разумѣетъ. Еще отъ меня и отъ братіи діаконово списаніе послано въ Москву, правовѣрнымъ гостинца: книга *отвѣтъ православнымъ* и обличеніе на отступническую блудню; писана въ ней правда о догматѣхъ церковныхъ. Еще же и отъ Лазаря священника посланы два посланія царю и патріарху, и за вся сія присланы къ намъ гостинцы.

Повѣсили на Мезени въ дому моемъ двухъ чело-

вѣкъ, дѣтей моихъ духовныхъ, прежде реченнаго Ѳеодора Юродиваго, да Луку Лаврентьевича, рабовъ христовыхъ. Лука то московскій жилецъ, у матери вдовы сынъ былъ единочаденъ, усмарь чиномъ юноша лѣтъ въ полтретьядцать: пріѣхалъ на Мезень по смерть съ дѣтьми моими. И егда бысть въ дому моемъ всегубительство, вопросилъ его пилатъ: „Какъ ты мужикъ крестишься?“ Онъ же отвѣща смиренномудро: „Я такъ вѣрую и крещуся, слагая персты, какъ отецъ мой духовный, протопопъ Аввакумъ!“ Пилатъ же повелѣ его въ темницу затворити, потомъ положи петлю на шею, на релѣхъ повѣсилъ. Онъ же отъ земныхъ на небесная вниде; больше того что ему могутъ сдѣлать! Аще и младъ, да по старому сдѣлалъ—пошелъ самъ ко Владыцѣ. Хотя бы и старой такъ догадался.

Въ тѣ же поры и сыновъ моихъ родныхъ двоихъ, Ивана и Прокопія, велѣно же повѣсить; да они бѣдные оплошали и не догадались вѣнцевъ побѣдныхъ ухватити: испугався смерти, повинились, такъ ихъ и съ матерію троихъ въ землю живыхъ закопали. Вотъ вамъ и безъ смерти смерть! Кайтеся, сидя, дондеже діаволъ иное что умыслитъ! Страшна смерть, недивно! Нѣкогда и другъ ближній, Петръ, отрекся и, исшедъ вонъ, плакася горько, и слезъ ради прощенъ бысть; а на робятъ и дивить нечего; моего ради согрѣшенія попущено имъ изнеможеніе. Да уже добро! быть тому такъ! Силенъ Христосъ всѣхъ насъ спасти и помиловати!

По семъ той же полуголова Иванъ Елагинъ былъ у насъ въ Пустозерьѣ, пріѣхавъ съ Мезени, и взялъ у насъ сказку; сице рѣчено: *годъ и мѣсяцъ* и паки: „мы святыхъ отецъ преданіе держимъ неизмѣнно, а палестинскаго патріарха съ товарищи еретическое соборище проклинаемъ“, и иное тамъ говорено многонько и Никону, заводчику ересемъ, досталось небольшое мѣсто. По семъ привели насъ къ плахѣ, и, прочетъ, назадъ меня отвели, не казня, въ темницу. Чли въ законѣ: „Аввакума посадить въ землю въ срубѣ и давать ему воды и хлѣба“. И я супротивъ того плюнулъ и умереть хотѣлъ, не ядше, и не ялъ дней съ осмь и больше, да братія паки ясть велѣли.

По семъ Лазаря священника взяли и языкъ весь вырѣзали изъ горла; мало пошло крови да и перестала. Онъ же и паки говоритъ безъ языка; таже, положа правую руку на плаху, по запястье отсѣкли и рука отсѣченная, на земли лежа, сложила сама персты по преданію и долго лежала такъ предъ народы, исповѣдала бѣдная и по смерти знаменіе спасителево неизмѣнно. Мнѣ су и самому сіе чудно! бездушная одушевленныхъ обличаетъ. Я на третій день у него во ртѣ рукою моею щупалъ и гладилъ; гладко все безъ языка, а не болитъ. Далъ Богъ по временнѣ часѣ исцѣлѣло; на Москвѣ у него рѣзали, тогда осталось языка, а нынѣ весь безъ остатку рѣзанъ. А говорилъ два года чисто, яко и съ языкомъ; егда исполнилися два года, иное чудо: въ три дня у него языкъ выросъ совершенной, лишь маленько тупенекъ, паки и говоритъ безпрестанно, хваля Бога и отступниковъ порицая.

По семъ взяли священника пустынника, инока схимника, Епифанія старца и языкъ вырѣзали весь же; у руки отсѣкли четыре перста. И сперва говорилъ гугниво, по семъ молилъ пречистую Богоматерь и показаны ему оба языка московскій и здѣшній на воздухѣ: онъ же, одинъ взявъ, положилъ въ ротъ свой и съ тѣхъ мѣстъ сталъ говорить чисто и ясно, а языкъ совершенно обрѣтеся во ртѣ. Дивна дѣла господня и неизрѣченны судьбы Владыки! И казнить попускаетъ и паки цѣлитъ и милуетъ! Да что много говорить? Богъ старый чудотворецъ, отъ небытія въ бытіе приводитъ, вовсе вѣдь въ день послѣдній всю плоть человѣчу въ мгновеніе ока воскреситъ; да кто о томъ разсудити можетъ? Богъ бо то есть: новое творитъ и старое поновляетъ. Слава ему о всемъ.

По семъ взяли діакона Ѳеодора: языкъ вырѣзали весь же, оставили кусочикъ небольшой во ртѣ, въ горлѣ накось рѣзанъ; тогда на той мѣрѣ и зажилъ, а послѣ и опять со старой выросъ, изъ-за губы выходитъ, притупъ маленько. У него же отсѣкли руку поперекъ ладони и все, далъ Богъ, стало здорово, и говоритъ ясно и чисто противъ прежняго. Таже осыпали насъ землею, струбъ въ землѣ и паки около земли другой струбъ, и

паки около всѣхъ общая ограда за четырьмя замками; стражіе же предъ дверьми стрежаху темницы. Мы же здѣсь и вездѣ, сидящіи въ темницахъ, поемъ предъ Владыкою Христомъ, Сыномъ Божіимъ, пѣснями, ихъ же Соломонъ воспѣ, зря на матерь Вирсавію: „*Се еси добра прекрасная моя: се еси добра любимая моя; очи твоя горятъ, яко пламень огня; зубы твои бѣлы, паче млека; зракъ лица твоего паче солнечныхъ лучъ и вся въ красотѣ сіяешь, яко день въ силѣ своей*“.

Таже поѣхалъ пилатъ отъ насъ; на Мезени достроя, возвратился въ Москву. И прочихъ нашихъ въ Москвѣ жарили да пекли: Исаію сожгли и послѣ Авраамія сожгли и иныхъ поборниковъ церковныхъ многое множество погублено, ихъ же число Богъ изочтетъ. Чудо! какъ то въ познаніе не хотятъ прійти: огнемъ да кнутомъ, да висѣлицею хотятъ вѣру утвердить! Которые то апостоли научили такъ? не знаю! Мой Христосъ не приказалъ нашимъ апостоламъ такъ учить, еже бы огнемъ, да кнутомъ, да висѣлицею въ вѣру приводить. Но Господемъ рѣченное ко Апостоламъ сице: *Шедше въ міръ весь проповѣдите Евангеліе всей твари; иже вѣру иметъ и кресится, спасенъ будетъ*. Смотри, слышателю: волею зоветъ Христосъ, а не приказалъ апостоламъ непокаряющихся огнемъ жечь и на висѣлицѣ вѣшать. Татарскій Богъ Магметъ написалъ въ своихъ книгахъ сице: „Непокоряющихся нашему преданію и закону повелѣваемъ главы ихъ мечомъ подклонити“. Нашъ Христосъ своимъ ученикамъ никогда такъ не повелѣвалъ, а тѣ учители явны яко и сами антихристовы, которые, приводя въ вѣру, губятъ и смерти предаютъ: по вѣрѣ своей и дѣла творятъ таковы же. Писано во Евангеліи: *не можетъ древо добро плодъ зло творити, ниже древо зло плодъ добръ творити; отъ плода бо всяко древо познано бываетъ*. Да что много говорить? аще бы не были борцы, не бы даны были вѣнцы; кому охота вѣнчаться, не почто ходить въ Персиду, а то дома Вавилонъ. Нутко, правовѣрне! нарцы имя христово, стань среди Москвы, прекрестися знаменіемъ Спасителя нашего Христа двѣма персты, якоже пріяхомъ отъ святыхъ отецъ! Вотъ

тебѣ—царство небесное дома родилось: Богъ благословитъ мучися за сложеніе перстъ, не разсуждай много, а я съ тобою за еже о Христѣ умрети готовъ. Аще я и несмысленъ, гораздо неученый человѣкъ, да то знаю, что вся церкви отъ святыхъ отецъ преданная свята и непорочна суть; держу до смерти, якоже пріяхъ; не прелагаю предѣлъ вѣчныхъ: до насъ положено, лежи оно такъ во вѣки вѣковъ; но блюди еретикъ: не токмо надъ жертвою христовою и надъ крестомъ, но и пелены не вѣшали. А то удумали со діаволомъ книги перепечатать, вся перемѣнить, крестъ на церкви и на просфорахъ перемѣнить; внутрь алтаря, молитвы іерейскія откинули; ектеніи перемѣнили, въ крещеніи духу лукавому молиться велятъ. Я бы имъ и съ нимъ въ глаза наплевалъ! И около купели противъ солнца лукавый то ихъ водитъ, также и церкви святятъ противъ солнца же и бракъ вѣнчавъ, противъ солнца же водятъ: явно противно творятъ. А въ крещеніи не отрицаются сатаны; чему быть? дѣти его, коли отца своего отрицатися не хотятъ. Да что много говорить? охъ правовѣрной души! вся горняя долу быша! Какъ говорилъ Никонъ, адовъ песъ, такъ и сдѣлалъ: „печатай, Арсенъ, книги какънибудь, лишь бы не по-старому“. Такъ су и сдѣлалъ! Да больше того нечѣмъ перемѣнить, умереть за сіе всякому подобаетъ. Будьте они прокляты, окаянные, со всѣмъ лукавымъ замысломъ своимъ и страждущимъ отъ нихъ вѣчная память трижды! По семъ у всякаго правовѣрнаго прощенія прошу: иное было кажется про житіе то мнѣ не надобно и говорить, да прочтохъ дѣянія апостольская и посланіе—Павлова. Апостоли о себѣ возвѣщали же, егда что Богъ содѣлаетъ въ нихъ: *не намъ, Богу нашему слава*; а я ничтоже есмь. Рекохъ и паки рекохъ: азъ есмь человѣкъ, грѣшникъ, блудникъ и хищникъ, тать и убійца, другъ мытаремъ и грѣшникамъ, и всякому человѣку лицемѣръ окаянный; простите же и молитеся о мнѣ, а я о васъ долженъ о чтущихъ и послушающихъ, больше того; жить не умѣю, и что сдѣлаю я, то людямъ и оказываю; пускай Богу о мнѣ молются, въ день вѣка вси же тамъ познаютъ содѣланная

мною или благая или злая. Но аще и не ученъ словомъ, но не разумомъ; неученъ діалектикѣ, реторикѣ и философіи, а разумъ Христосъ въ себѣ имамъ, якоже и Апостолъ глаголетъ: *аще и невѣжда словомъ, но не разумомъ.*

Простите, еще вамъ про невѣжество свое побесѣдую. Ей, сглупилъ, отца своего заповѣдь преступилъ и сего ради домъ мой наказанъ бысть, все Бога ради бысть. Егда еще я попомъ бысть, духовникъ царевъ, протопопъ Стефанъ Вонифатьевичъ, благословилъ меня образомъ Филиппа, митрополита, да книгою святаго Ефрема Сирина, себя пользовать прочитая и люди. Азъ же, окаянный, презрѣвъ отеческое благословеніе, и приказалъ ту книгу брату двоюродному, по докучаю его—на лошадь промѣнялъ. У меня же въ дому былъ братъ мой родной, именемъ Еѵфимій: зѣло грамотѣ горраздъ и о церкви велико прилежаніе имѣлъ, напослѣдокъ взятъ былъ къ большой царевнѣ въ верхъ во псаломщика, а въ моръ и съ женою скончался. Сей Еѵфимій лошадь сію поилъ и кормилъ и гораздо объ ней прилежалъ, презирая правило многажды. И видѣ Богъ неправду въ насъ съ братомъ,—яко неправо по истинѣ ходимъ; я книгу промѣнялъ, отцеву заповѣдь преступилъ; а братъ, правило презирая, о скотинѣ прилежалъ,—изволилъ насъ Владыко сице наказать: и лошадь ту по ночамъ и въ день стали бѣси мучить, всегда мокра и заѣжжена и еле жива стала. Азъ же недоумѣюся, коея ради вины бѣсъ такъ озлобляетъ насъ. И въ день недѣльный, послѣ ужина въ келейномъ правилѣ на полунощницѣ братъ мой Еѵфимій говорилъ кафизму непорочную и завопи великимъ гласомъ: „призри на мя и помилуй мя!“ и испустя книгу изъ рукъ, ударился о землю: отъ бѣсовъ пораженъ бысть, начатъ кричать и вопить гласы неудобными: понеже бѣси жестоко начаша его мучити. Въ дому же моемъ, иные родные два брата, Косма и Герасимъ, больше его, и не могли удержать его, Еѵфимія, и всѣхъ домашнихъ человѣкъ съ 30, держа его и рыдаютъ и плачутъ, вопіюще ко Владыкѣ: „Господи помилуй! согрѣшили предъ Тобою, прогнѣвали Твою благостыню! прости насъ грѣшныхъ! помилуй юношу сего

за молитвы святыхъ отецъ нашихъ!“ Азъ же въ то время помощію божіею не смутихся отъ голки тоя бѣсовскія; скончавше правило, паке началъ молиться Христу и Богородицѣ со слезами, глаголя: „Владычице моя, Пресвятая Богородице! покажи, за которое мое согрѣшеніе таковое ми бысть наказаніе, да уразумѣвъ, каяся предъ сыномъ твоимъ и предъ тобою, впредь того не стану дѣлать“. И плачучи послалъ въ церковь потребникъ и святую воду, сына своего духовнаго, Сѵмеона,— юноша таковъ же, что и Еѵфимій, лѣтъ 14, дружно межъ себя живуще Сѵмеонъ со Еѵфиміемъ, книгами и правиломъ другъ друга подкрѣпляюще и веселящеся, живуще оба въ подвигѣ крѣпко, въ постѣ и молитвѣ. Той же Сѵмеонъ плакалъ по другѣ своемъ, сходилъ въ церковь и принесъ книгу и святую воду. Азъ же начахъ дѣйствовать надъ обуреваемымъ молитвы Великаго Василія съ Сѵмеономъ; онъ мнѣ строилъ кадило и свѣщу и воду святую подносилъ, а прочіи держали бѣснующагося. И егда въ молитвѣ рѣчь дошла: *азъ ти о имени господни повелѣваю, душе нѣмый и глухій, изыди, отъ созданія сего и къ тому не вниди въ него, но иди на пустое мѣсто, идѣже человѣкъ не живетъ; но токмо Богъ прозираетъ,*—бѣсъ же не слушаетъ, не идетъ изъ брата. И я паки ту же рѣчь въ другой рядь, и бѣсъ еще не слушаетъ, пуще мучитъ брата. Охъ! горе мнѣ! какъ молвить сbooромъ? и не смѣю и по старцеву Епифаніеву повелѣнію говорю; сице было: взялъ кадило и покадилъ образы и бѣснаго и потомъ ударился о лавку, рыдавъ на многъ часъ; возставъ же, туже Василіеву рѣчь закричалъ къ бѣсу: изыди отъ созданія сего! Бѣсъ же скорчилъ въ кольцо брата и, прижався, изыде и сѣлъ на окно. Братъ же, бывъ яко мертвъ, азъ же покропилъ его водою святою; онъ же, очняся, перстомъ мнѣ на бѣса, сидящаго на окнѣ, показуетъ, а самъ не говоритъ, связавшуся языку его; азъ же покропилъ водою окно и бѣсъ сошелъ въ жерновный уголъ. Братъ же и тамъ его показуетъ; азъ же и тамъ покропилъ водою, бѣсъ же оттолѣ пошелъ на печь. Братъ же и тамъ указуетъ, азъ же и тамъ тою же водою; братъ же указалъ подъ

печь и самъ перекрестился, и азъ не пошелъ за бѣсомъ, но напоихъ святою водою брата во имя господне. Онъ же, вздохня изъ глубины сердца, сице ко мнѣ проглагола: „спаси Богъ тебя, батюшко, что ты меня отнялъ у царевича и двухъ князей бѣсовскихъ! будетъ тебѣ бить челомъ братъ мой, Аввакумъ, за твою доброту да и мальчику тому, спаси Богъ, который въ церковь по книгу и по воду ходилъ, пособлялъ тебѣ биться съ ними, подобіемъ онъ, что и Сvмеонъ же другъ мой; подлѣ рѣки Сундовика меня водили и били и сами говорятъ: намъ-де ты отданъ за то, что братъ твой, Аввакумъ, на лошадь промѣнялъ книгу и де ее любитъ; такъ де мнѣ надобѣ брату поговорить, чтобъ книгу ту назадъ взялъ и за нее бы далъ деньги двоюродному брату“. И я ему говорю: „я, реку, свѣтъ, братъ твой, Аввакумъ“. И онъ мнѣ отвѣщалъ: „Какой ты мнѣ братъ, ты мнѣ батько; отнялъ ты меня у царевича и у князей, а братъ мой на Лопатищахъ живетъ, будетъ тебѣ бить челомъ“. Азъ же паки далъ ему святыя воды, онъ же и судно у меня отнимаетъ и я пополоскалъ и давать сталъ; онъ и не сталъ пить; ночь всю зимнюю простряпалъ. Маленько я съ нимъ полежалъ и пошелъ въ церковь заутреню пѣть: а безъ меня бѣси паки на него напали, но легче прежняго. Азъ же, пришедъ отъ церкви, масломъ его посвятилъ и паки бѣси отъидоша, и умъ цѣлъ сталъ; но дряхлъ бысть, отъ бѣсовъ изломанъ: на печь поглядываетъ и оттолѣ боится, егда куда отлучуся, и бѣсы навѣтовать ему станутъ. Бился я съ бѣсами, что съ собаками, недѣли съ три за грѣхъ мой, дондеже взялъ книгу и деньги за нее отдалъ и сходилъ къ другу своему, Иларіону, игумену; онъ просвиру вынулъ за брата, тогда добро жилъ, что нынѣ архіепископъ рязанской, мучитель сталъ христіанской. Инымъ духовнымъ я билъ челомъ о братѣ и умолили Бога о насъ грѣшныхъ и освобожденъ бысть отъ бѣсовъ братъ мой. Таково-то зло преступленіе заповѣди отеческой! Что же будетъ за преступленіе заповѣди господни? Охъ! да только огонь да муки; не знаю, дни коротать какъ. Слабоуміемъ объятъ и лицемѣріемъ и лжею покрытъ есмь; братоненави-

дѣніемъ и самолюбіемъ одѣянъ, во осужденіи всѣхъ человѣкъ погибаю и, мняся нѣчто быти я, калъ и гной есмь окаянный, прямое говно, отвсюду воняю душею и тѣломъ; хорошо мнѣ жить съ собаками да со свиньями въ конурахъ: также и онѣ воняютъ, что и моя душа злосмрадною вонею, да свиньи и пси по естеству, а я отъ грѣховъ воняю, яко песъ мертвый, поверженъ на улицѣ града. Спаси Богъ властей тѣхъ, что землею меня закрыли: себѣ ужъ хотя воняю, злая дѣла творяще, да иныхъ не соблажняю. Ей, добро такъ! Да и въ темницу то ко мнѣ бѣшеной зашелъ, Кирилушко, московской стрѣлецъ, караульщикъ мой: остригъ его азъ и вымылъ, платье перемѣнилъ, зѣло вшей было много; замкнуты мы съ нимъ двое жили и третій съ нами Христосъ и Пречистая Богородица. Онъ, миленькой, бывало серетъ и ссытъ подъ себя, а я его очищаю; ѣсть и пить проситъ, а безъ благословенія взять не смѣетъ, у правила стоять не захочетъ: діаволъ сонъ ему наводитъ, и я постегаю четками, такъ и молитву творить станетъ и кланяется, за мною стоя. И егда правило скончаю, онъ и паки бѣсноватися станетъ, при мнѣ бѣснуется и шалуетъ, а егда ко старцу пойду, посмотрѣть въ его темницу и его положу на лавку, не велю ему вставать и благословлю его и покамѣстъ у старца сижу, лежитъ, не встаетъ, Богомъ привязанъ: лежа бѣснуется. А въ головахъ у него образы, и книги, и хлѣбъ, и квасъ и прочая, а ничего безъ меня не тронетъ; какъ прійду, встанетъ и діаволъ мнѣ досаждаетъ и блудить заставляетъ; я закричу, такъ и сядетъ. Егда стряпаю, въ то время ясть проситъ и украсть тщится до времени обѣда, а егда предъ обѣдомъ *отче нашъ* проговорю и благословлю, такъ того брашна и не ястъ, проситъ неблагословеннаго; и я ему силою въ ротъ напихаю, а онъ и плачетъ и глотаетъ. И какъ рыбою покормлю, тогда бѣсъ въ немъ вздивьячится и самъ изъ него говоритъ: „ты же де меня ослабилъ“; и я, плакався предъ Владыкою, опять постомъ стягну и окрещу его Христомъ, таже масломъ его освятилъ. И отрадило ему отъ бѣса, жилъ со мною съ мѣсяцъ и больше, предъ смертью

образумился; я исповѣдывалъ его и причастилъ. Онъ же преставился, миленькой, скоро, и я, гробъ купя и саванъ, велѣлъ погребсти у церкви, потомъ сорокоустъ далъ, лежалъ у меня мертвый сутки и я, ночью, вставъ, помоля Бога, благословя его мертваго и съ нимъ поцѣловався, опять подлѣ его спать лягу: товарищъ мой, миленькой, былъ. Слава Богу о семъ! Нынѣ онъ, а завтра я также умру.

Да у меня же былъ на Москвѣ бѣшеной, Филиппомъ звали; какъ я изъ Сибири пріѣхалъ, въ избѣ въ углу прикованъ былъ къ стѣнѣ, понеже въ немъ бѣсъ былъ суровъ и жестокъ: гораздо бился и дрался и не могли съ нимъ домочадцы ладить. Егда же азъ грѣшный со крестомъ и съ водою пріиду, повиненъ бываетъ и яко мертвъ падаетъ предъ крестомъ христовымъ и ничего не смѣетъ надо мною дѣлать, и молитвами святыхъ отецъ сила божія отгнала отъ него бѣса, но токмо умъ несовершенъ былъ. Ѳеодоръ былъ надъ нимъ юродивой приставленъ, что на Мазени вѣры ради христовы отступники удавили; псалтырь надъ Филиппомъ говорилъ и училъ его Ісусовой молитвѣ; а я самъ во дни отлучашеся отъ дому, токмо въ нощи дѣйствовалъ надъ Филиппомъ. По нѣкоемъ времени пришелъ я отъ Ѳеодора Ртищева зѣло печаленъ, понеже въ дому у него съ еретиками шумѣлъ много о вѣрѣ и о законѣ; а въ моемъ дому въ то время учинилося нестройство: протопопица моя со вдовою домочадицею Фотиніею между собою побранились, діаволъ ссорилъ ихъ ни за что. И я, пришедъ, билъ ихъ обѣихъ и оскорбилъ, гораздо опечали, согрѣшилъ предъ Богомъ и предъ ними. Таже бѣсъ вздивьялъ въ Филиппѣ: и началъ чепь ломать, бѣсясь, и кричать неудобно, на всѣхъ домашнихъ нападе ужасъ и зѣло голка бысть велика. Азъ безъ исправленія приступилъ къ нему, хотѣлъ его укротити; но не бысть по прежнему: ухватилъ меня и учалъ бить и драть и всяко меня яко паучину терзаетъ, а самъ говоритъ: „попалъ ты мнѣ въ руки“. Я токмо молитву говорю, да безъ дѣлъ не пользуетъ и молитва; домашніе не могутъ отнять, а я и самъ ему отдался, вижу, что согрѣшилъ:

пускай меня бьетъ! Но чуденъ Господь: бьетъ и ничто не болитъ! Потомъ бросилъ меня отъ себя, и самъ говоритъ: „не боюсь я тебя"; мнѣ въ тѣ поры горько стало; „бѣсъ,—реку,—надо мною волю взялъ". Полежалъ маленько, съ совѣстію собрался; возставъ же, жену свою сыскалъ и предъ нею сталъ прощаться со слезами, а самъ ей, въ землю кланяяся, говорю: „согрѣшилъ, Настасья Марковна! прости меня грѣшнаго!" она мнѣ также кланяется. По семъ и съ Фетиньею тѣмъ же образомъ простился; таже легъ среди горницы и велѣлъ всякому человѣку бить себя плетью по пяти ударовъ по окаянной спинѣ; человѣкъ было 20: и жена, и дѣти и всѣ, плачучи, стегали; а я говорю: „аще кто бить меня не станетъ, да не имать со мною части въ царствіи небеснѣмъ". И они нехотя бьютъ и плачутъ, а я ко всякому удару по молитвѣ. Егда же всѣ отбили и я воставши, сотворилъ предъ ними прощеніе. Бѣсъ же, видѣвъ неминучую бѣду, опять вышелъ вонъ изъ Филиппа, и я крестомъ его благословилъ; и онъ по старому хорошъ сталъ и потомъ исцѣлѣлъ божіею благодатію о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Ему же слава во вѣки. Аминь.

А егда я былъ въ Сибири, туда еще ѣхалъ и жилъ въ Тобольскѣ, привели ко мнѣ бѣшенаго, Ѳеодоромъ звали; жестокъ же былъ бѣсъ въ немъ: „соблудилъ въ великъ день съ женою своею, наруша праздникъ,—жена его сказывала,—да и взбѣсился". И я въ дому своемъ держа мѣсяца съ два, стужалъ объ немъ Божеству: въ церковь водилъ, и масломъ освятилъ и помиловалъ Богъ, здравъ бысть и умъ исцѣлѣ. И сталъ со мною на крылосѣ пѣть литургію, во время переноса и досадилъ мнѣ; азъ въ то время побилъ его на крылосѣ и въ притворѣ велѣлъ пономарю приковать къ стѣнѣ и онъ, вышатавъ пробои, пуще перваго взбѣсясь, въ обѣдню ушелъ на дворъ къ большому воеводѣ, и сундуки разломавъ, платье княгинино на себя вздѣлъ, а ихъ разгонялъ. Князь же, осердясь, многими людьми въ тюрьму оттащили; онъ же въ тюрьмѣ юзниковъ бѣдныхъ всѣхъ перебилъ и печь разломалъ; князь же велѣлъ его въ деревню къ женѣ и

дѣтямъ сослать. Онъ же, бродя въ деревняхъ, велики пакости творилъ; всякъ бѣгаетъ отъ него, а мнѣ не дадутъ воеводы, осердясь. Я по немъ предъ Владыкою плакалъ всегда. По семъ пришла грамота съ Москвы: велѣно меня сослать съ Тобольска на Лену, великую рѣку. И егда въ петровъ день собрался, въ дощеникъ пришелъ ко мнѣ Ѳеодоръ цѣлоуменъ; на дощеникѣ при народѣ покланяется на ноги мои и самъ говоритъ: „спаси Богъ, батюшко, за милость твою, что помиловалъ меня! по пустынѣ-де бѣжалъ третьяго дня, а ты де мнѣ явился и благословилъ меня крестомъ и бѣси-де прочь отбѣжали отъ меня и я пришелъ къ тебѣ поклониться и паки прошу благословленія отъ тебя“. Азъ же на него глядя, поплакалъ и возрадовался о величіи божіи, понеже о всѣхъ насъ печется и промышляетъ Господь: его исцѣлилъ, а меня возвеселилъ. И поуча его, благословя, отпустилъ къ женѣ его и дѣтямъ въ домъ; а самъ поплылъ въ ссылку, моля о немъ Христа, Сына Божія, свѣта, да сохранитъ его и впредь отъ непріязни. А назадъ я ѣдучи, спрашивалъ про него, мнѣ сказали: „преставился-де послѣ тебя, года съ три живучи христіански съ женою и съ дѣтьми“; ино и добро, слава Богу о семъ! Простите меня, старецъ съ рабомъ тѣмъ христовымъ; вы мя понудисте сіе говорить, а однако ужъ развякался — еще повѣсть вамъ скажу.—Какъ въ попахъ еще былъ, тамъ же, гдѣ брата бѣси мучили, была у меня въ дому моемъ вдова молодая, давно ужь и имя ей забылъ, помнится Афимьею звали. Ходитъ и стряпаетъ и все хорошо дѣлаетъ; какъ станемъ въ вечеръ правило начинать, такъ ее бѣсъ ударитъ о землю, омертвѣетъ вся, яко камень станетъ и не дышитъ, кажется: растянетъ ее среди горницы и руки и ноги, лежитъ яко мертва. И я *о всепѣтую* проговоря, кадиломъ покажу, потомъ крестъ положу ей на голову и молитвы Василіевы въ это время говорю; такъ голова подъ крестомъ и свободна станетъ, баба и заговоритъ, а руки, и ноги, и тѣло еще мертво и каменно. И я по рукѣ поглажу крестомъ, такъ и рука свободна станетъ; я и по другой, и другая также освободится; и по животу, такъ баба и сядетъ; ноги еще каменны, не смѣю

туда крестомъ гладить. Думаю, думаю: и ноги поглажу, баба и вся свободна станетъ. Вставше, Богу помолясь да и мнѣ челомъ, прокуда таки ни бѣсъ, ни что былъ въ ней—много времени такъ въ ней игралъ; масломъ ея освятилъ, такъ вовсе отогналъ прочь, исцѣленіе Богъ далъ. А иное два Василія у меня бывали прикованы бѣшеные, странно и говорить про нихъ: калъ свой яли.

А еще сказать ли тебѣ, старецъ, повѣсть? блазновато, кажется, да было такъ. Въ Тобольскѣ была у меня дѣвица, Анною звали: дочь ми духовная, гораздо о правилѣ прилежала и церковномъ и келейномъ, и всю міра сего красоту вознебрегла. Позавидѣ діаволъ добродѣтели ея, наведе ей печаль о первомъ хозяинѣ своемъ Елизарѣ, у него же возрасла, привезена изъ полону изъ кумыковъ: чистотою дѣвство соблюла и, егда исполнилася плодовъ благихъ, діаволъ окралъ: захотѣла отъ меня отъити и за перваго хозяина за мужъ пойти и плакать стала всегда. Господь пустилъ на ее бѣса, смиряя ее, понеже и меня не стала слушать ни въ чемъ и о поклонахъ не стала радѣть: егда станемъ правило говорить, она на мѣстѣ станетъ, прижавъ руки, да такъ и простоитъ. Видѣ Богъ противленіе ея, послалъ бѣса на нее: въ правилѣ стоящу ей, да и взбѣсится, и мнѣ бѣдному жаль: крестомъ благословлю и водою покроплю, такъ и отступитъ отъ нея бѣсъ. И многажды такъ бысть. Она же единаче въ безуміи своемъ и непокорствѣ пребываетъ. Благохитрый же бѣсъ инако ее наказалъ: задремала въ правилѣ да и повалилась на лавку спать и три дни и три нощи спала, не пробудяся; я лишь ее по временамъ кажу спящую, тогда сегда вздохнетъ, чаю умретъ; въ 4 день очнулась, сѣла да плачетъ; ясть ей даютъ, не ястъ. Егда я правило келейное скончавъ и домочадцевъ, благословя, распустилъ, паки начахъ во тьмѣ безъ огня поклоны класть, она же съ молитвою втай приступила ко мнѣ и пала на ноги мои. И я отъ нея отшедъ, сѣлъ за столъ; и она, приступя паки къ столу и плачучи, говоритъ: „послушай, государь! велѣно тебѣ сказать“. Я сталъ слушать у нея: „Егда де я въ правилѣ задремала и повалилась приступили ко мнѣ два ангела и

взяли меня, и вели меня тѣснымъ путемъ, и на лѣвой сторонѣ плачь и рыданіе, и гласы умиленны; потомъ-де меня привели во свѣтлое мѣсто—зѣло гораздо красно и показали де многія красныя жилища и палаты; а всѣхъ де краше палата неизрѣченною красотою сіяетъ паче всѣхъ и велика гораздо; ввели-де меня въ нее: ино-де стоятъ столы, и на нихъ послано было, и блюда съ брашнами стоятъ; по конецъ де стояло древо кудряво, повѣваетъ и красотами разными украшено; въ древѣ-де томъ птичьи гласы слышала я, а топерва-де не могу про нихъ сказать,—каковы умильны и хороши; а подержавъ же меня паки изъ палаты повели и сами говорятъ· „знаешь ли, чья палата сія?“ и азъ отвѣщала: „не знаю, пустите меня въ нее“; они же отвѣщали: „отца твоего, протопопа Аввакума, палата сія: слушай его и живи такъ, какъ онъ тебѣ показываетъ персты слагать и креститься и кланяться, Богу молясь, и во всемъ не противься ему, такъ и ты будешь съ нимъ здѣсь; а буде не станешь слушать, такъ будешь въ давишнемъ мѣстѣ, гдѣ плаканіе—то слышала; скажи же отцу своему; мы не бѣси водили тебя, смотри у насъ папорты, бѣси де не имѣютъ того, и я де батюшко, смотрѣла, бѣло у ушей тѣхъ ихъ“. Да и поклонилася мнѣ, прощенія прося; потомъ паки исправилася во всемъ. Егда меня сослали изъ Тобольска, и я оставилъ ее у сына духовнаго; тутъ хотѣла пострищися, а діаволъ опять сдѣлалъ по своему. Пошла за Елизара за мужъ и дѣтокъ прижила; и по 8 лѣтѣхъ услышала, что я ѣду назадъ, отпросилася у мужа и постриглася. И какъ за мужемъ была, по временамъ Богъ наказывалъ, бѣсъ мучилъ ее. Егда же азъ въ Тобольскъ пріѣхалъ, за мѣсяцъ до меня постриглася и принесла ко мнѣ два дѣтища, и, положа предо мною робятишекъ, плакала и рыдала, кающеся, безстыдно порицая себя. Азъ, предъ человѣки смиряя ее, многажды на нее кричалъ, она же прощается во преступленіи своемъ, каяся предъ всѣми; и егда гораздо ее утрудилъ, тогда совершенно простилъ. Въ обѣдню за мною въ церковь вышла и нападе на нее бѣсъ во время переноса, учала кричать и вопить, собакою лаять и козою блекотать, и

кукушкою куковать; азъ же сжалихся объ ней: покиня херувимскую пѣснь, взявши отъ престола крестъ и на крылосъ взошелъ, закричалъ: „Запрещаю ти именемъ господнимъ, полно тебѣ бѣсъ мучить ее; Богъ проститъ ее въ сей вѣкъ и въ будущій“. Бѣсъ же изыде изъ нея. Она же притече ко мнѣ и пала предо мною за нюже вину; азъ же крестомъ благословя, и съ тѣхъ мѣстъ простилъ, и бысть здрава душею и тѣломъ, со мною и и на Русь выѣхала. И какъ меня стригли, въ томъ году страдала съ дѣтьми моими отъ Павла митрополита на патріарховѣ дворѣ вѣры ради и правости закона; довольно волочили и мучили ее; имя ей во иноцѣхъ Агафія.

Ко мнѣ же, отче, въ домъ принашивали матери дѣтокъ своихъ маленькихъ: скорбію одержимы грызною, и мои дѣтки егда скорбѣли во младенчествѣ грызною болѣзнью и я масломъ священнымъ съ молитвою пресвитерскою помажу вся чувства и, на руку масла положа, младенцу спину вытру и шулятки и Божіею благодатію грызная болѣзнь и минуется во младенцѣ. И аще у кого отрыгнетъ скорбь, и я такъ сотворю, и Богъ совершенно исцѣляетъ по своему человѣколюбію. Егда я еще былъ попомъ съ первыхъ временъ, какъ къ подвигу касаться сталъ, бѣсъ меня пуживалъ сице: изнемогла у меня жена гораздо и пріѣхалъ къ ней отецъ духовный; азъ же изъ двора пошелъ по книгу въ церковь нощію глубокою, по чему исповѣдаться. И егда на паперть пришелъ, стольникъ до того стоялъ, а егда азъ пришелъ, бѣсовскимъ дѣйствомъ скачетъ стольникъ на мѣстѣ своемъ. И я, не устрашась, помоляся предъ образомъ, осѣнилъ рукою стольникъ и, пришедъ, поставилъ его и пересталъ играть. И егда въ трапезу вошелъ, тутъ иная бѣсовская игра: мертвецъ на лавкѣ въ трапезѣ въ гробѣ стоялъ и бѣсовскимъ дѣйствіемъ верхняя раскрылася доска и саванъ шевелиться сталъ, устрашая меня; азъ, Богу помолясь, осѣнилъ рукою мертвеца и бысть по прежнему все, ано ризы и стихари летаютъ съ мѣста на мѣсто, устрашая меня; азъ же помоляся и поцѣловавъ престолъ, рукою ризы благословилъ и пощупалъ, приступя; а онѣ по старому висятъ. Потомъ, книгу взявъ, изъ церкви

пошелъ. Таково то ухищреніе бѣсовское къ намъ! да полно того говорить. Что крестная сила и священное масло надъ бѣшеными и больными не творятъ божіею благодатію? да намъ надобѣ помнить сіе: не насъ ради, не намъ, но имени своему Господь славу даетъ. А я грязь, что могу сдѣлать, аще не Христосъ? Плакать мнѣ подобаетъ въ себѣ; Іуда чудотворецъ былъ, да сребролюбія ради ко діаволу попалъ, и самъ діаволъ на небѣ былъ, да высокоумія ради сверженъ бысть; Адамъ былъ въ раю; да сластолюбія ради изгнанъ бысть и 5500 лѣтъ во адѣ былъ осужденъ. По семъ разумѣя всякъ, да мняйся стояти, блюдется, да ся не падетъ; держись за христовы ноги и Богородицѣ молись и всѣмъ святымъ, такъ будетъ хорошо!

Ну, старецъ, моего вяканья вѣдь много ты слышалъ, о имени Господни повелѣваю ти: напиши и ты рабу тому христову: какъ Богородица бѣса того въ рукахъ тѣхъ мяла и тебѣ отдала, и какъ муравьи те тебя яли за тайное-тъ удъ, и какъ бѣсо-тъ дрова тѣ сожегъ и какъ келья-то обгорѣла, а въ ней цѣло все; и какъ ты кричалъ на небо-то, да иное что вспомнишь во славу Христу и Богородицѣ. Слушай же, что говорю: не станешь писать, я осержусь! Любилъ слушать у меня: чего соромишься, скажи хотя немножко. Апостоли Павелъ и Варнава на соборѣ сказывали же во Іерусалимѣ предъ всѣми, елика сотвори Богъ знаменія и чудеса во языцѣхъ съ ними, въ Дѣян. зач. 35, и 42, и величашеся имя Господа Ісуса; мнози же отъ вѣровавшихъ прихождаху исповѣдающе и сказующе дѣла своя—да и много того найдется въ Апостолѣ и въ дѣяніяхъ. Сказывай, не бойся, лишь совѣсть крѣпку держи, не себѣ славы ищи, говоря, но Христу и Богородицѣ. Пускай рабъ христовъ веселится, чтучи! Какъ умремъ, такъ онъ почтетъ да помянетъ предъ Богомъ насъ, а мы о чтущихъ и послушающихъ станемъ Бога молить, наши они люди и будутъ тамъ у Христа, а мы ихъ — во вѣки вѣкомъ. Аминь.